

Барабан б'ёт атаку

Марик Лернер

Сепаратисты

Марик Лернер
Барабан бьет атаку

«Автор»

2013

Лернер М.

Барабан бьет атаку / М. Лернер — «Автор»,
2013 — (Сепаратисты)

На дворе новое время, и неплохо бы повернуть его в нужном направлении. Дать цель людям задача не тривиальная. На этом пути одними лозунгами не отделаешься. Будут ложь, кровь и смерти. Зато приходит момент и ты понимаешь, что дело уже не в одних личных амбициях. Отступить, предав множество людей, невозможно.

Наверное, безумие пытаться изменить мир, но только такие и могут добиться успеха... Кто сказал, что Империя превыше всего? Родина важнее! А там уж как карта ляжет.

Содержание

Интерлюдия	5
Глава 1. Первые последствия забастовки. 2700 г	6
Интерлюдия	17
Глава 2. Фиона Хейс. Экстренная медицинская помощь для всех. 2700 г	18
Интерлюдия	29
Глава 3. Новая власть. 2700 г	30
Интерлюдия	40
Глава 4. Наступление с неожиданными последствиями. 2700 г	41
Интерлюдия	49
Глава 5. Показательный разгром. 2700 г	50
Интерлюдия	62
Глава 6. Уна Клейменова-Рудова. Из тюрьмы в министры. 2700 г	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Марик Лернер Барабан бьет атаку

Интерлюдия

После расстрела в Натмукке мирной демонстрации и запрета любых собраний и митингов, а также профсоюзов, рабочие ответили призывом ко всеобщей забастовке. Первыми прекратили функционировать железные дороги. Движение поездов остановилось повсеместно. Положение для военной власти стало абсолютно нестерпимым.

Пойти на уступки вновь назначенный командующий округом не мог. Это означало расписаться в полном провале всей предшествующей политики и возврат к прежнему положению. Оставалось подчинить силой недовольных и заставить их вернуться на рабочие места.

Хотя позднее бригадный генерал Оффрон категорически отрицал всякую причастность к происшествию, а прямые приказы так и не были никогда обнаружены, сложно себе представить ярого служаку подполковника Брандеса Друммонда применяющего жесточайшие меры по подавлению любого противостояния из личных соображений.

Предварительно проконсультироваться и получить ясные указания, пусть и устные он был просто обязан. Кавалера нескольких наград за участия в боевых действиях и командира небезызвестного 8-го драгунского полка никем и никогда не обвинялся в слабоумии. Реально мы видим обычную карательную экспедицию. Результат, правда, вышел не стандартный.

Макс Геллер. Жизнь и посмертная слава. Издательство Наука. Шкурин.

Глава 1. Первые последствия забастовки. 2700 г

– Я требую, отправить меня согласно приобретенному билету! – гневно орал перед дверями вокзала зажиточный по виду господин на безучастного чиновника в железнодорожной форме.

За спиной у возмущенного человека толпился еще с десятков не менее недовольных людей. Кому понравится, если внезапно сообщат, об отсутствии движения на дороге на неопределенное время. У всех дела и планы.

– Нас не волнует политика, – поддержали предыдущего оратора из задних рядов, – почему мы не можем попасть домой? В конце концов...

Слаженный топот множества ног, прервал его.

– Ага! – довольно вскрикнул первый пассажир, – сейчас с вами разберутся!

Он был очень удивлен, когда первым из всей компании заработал тяжелый удар прикладом по спине и рухнул на колени, вскрикнув. Солдаты выяснять вежливо кто есть кто не стали. Часть окружила железнодорожную станцию. Остальные принялись загонять внутрь вокзала всех подряд. Работников железной дороги, рвущихся уехать случайных людей и просто проходивших несвоевременно мимо. При этом они, не церемонясь, обыскивали людей. Сопротивляющихся и возмущающихся избивали.

– Я директор завода, – попытался объяснить очередной солидный гражданин, выдернутый под светлые очи некоего капитана, позабывшего представиться.

Каким именно предприятием он руководил, осталось для окружающих неизвестным. Офицер съездил ему рукояткой табельного пистолета в лицо и оставил выплевывать зубы на затоптанный грязный пол. Двое солдат принялись обшаривать карманы, причем один открыто сунул деньги, извлеченные из портмоне себе в карман.

– Глядя на происходящее, – еле слышно сказала коротко стриженная девушка стоящему рядом мужчине, – я очень хорошо начинаю понимать откуда берутся мятежники.

– Сделай одолжение Бриана, – ответил тот, беря ее за руку, – не вздумай проявлять свой несносный характер. Им плевать на паспорт. За кривые высказывания недолго и в больницу попасть.

– А на иностранном языке можно? А то я четыре знаю.

– Помолчи! – напряженно сказал тот, с неприятным чувством, глядя в огромное открытое окно на перрон. – Тут и за кривой взгляд недолго нарваться.

– Я купил его законно, – кричал перемазанный кровью человек. – На свое имя – Кузовлев. Это охотничье ружье. Дробовик. Я не имею отношения ко всем этим людям.

– Не позорься, – с презрением сказал второй мужик в разорванной железнодорожной форме. – Да, – отвечая на плохо слышимый вопрос, подполковника подтвердил, – я организовал забастовочный комитет. Моя фамилия Железняков. Можете записать.

– Без надобности, – равнодушно заявил офицер и выстрелил ему в лоб из пистолета.

В зале дико закричала женщина. Толпа испуганно шарахнулась к стенам. Солдаты рванулись вперед, щедро раздавая удары. Кто-то выстрелил по верх голов.

– Всем сесть! – орали сразу несколько голосов, под детский плач и женский визг. – Двигаться только по команде!

На перроне снова загремели выстрелы.

– Не поднимай голову, – прошипел мужчина.

– Я уже поняла, – согласилась девушка. – Накрылось наше выступление.

– Тут бы живыми остаться.

– Простите, – заинтересовался полненький седой мужчина по соседству, – вы случайно будете не Бриана Шиннон первая женщина авиатор?

- Совсем не случайно да. А он Ли Мэлком. Мой финансовый специалист и друг.
- Я так и подумал.
- Мы настолько узнаваемы?
- Так это же к лучшему! Хотя, придется признать у меня профессиональная память.

Я Бартон Коркоран.

Мысленно он уже прикидывал, как использовать удачный случай. Единственная на сегодня летающая женщина и не просто поднимавшаяся в воздух, она поставила с десяток рекордов. Удивительные аппараты с крыльями не просто входили повсеместно в моду, теперь уже видно было и не специалисту, открылась новая эра – воздухоплавание.

Пять лет назад в Империи считалось чудом, когда авиатор пролетел расстояние в 220 локтей. Три года прошло с тех пор как за рекорд путешествия по воздуху протяженностью в одну лигу был вручен денежный приз ощутимых размеров в Баллине. Совершенствование летающих аппаратов и новые удачи становились все массовее и слышнее. Ни один из известных авиаторов и их рекордов не остался без внимания. Как и их смерти. Пилоты регулярно бились в падающих с небес машинах.

И все равно достижения и слава, а также риск, привлекали в небо все новых людей. И они прокладывали дорогу вперед. От двадцати секунд до десяти минут полета. Затем два часа, четыре. Сто локтей, две лиги, сорок, даже сто двадцать. Достижения росли. Премии за рекорды привлекали людей дерзать снова.

Бриана была одной из таких. Она за год заработала почти пятьдесят тысяч «корон», умудрившись поставить рекорд по дальности, полету с пассажиром и на скорость. На самом деле это только кажется, что огромные деньги. Сам аппарат, двигатель, необходимость иметь собственного механика, постоянные переезды с демонстрациями в целях подработать сжирали львиную долю полученных сумм. Достаточно было серьезной поломки и начались бы проблемы с финансами.

Зато ее имя с недавних пор знало все королевство и не даром. На самолете с бензиновым двигателем в 75 л.с. она поднялась на 172 локтя с пассажиром и прошла над Баллинской гаванью по всей окружности, навещая множество судов в течении полутора часов, поставив сразу два новых мировых, не шиольских рекорда.

Половина столицы с крыш и из окон домов наблюдала за ее смелыми действиями, а после посадки восторженная толпа чуть было не затоптала ее вместе с самолетом. Таких грандиозных оваций не удостоился и король, объявивший об окончании Фадзийской войны.

– О! – мгновенно среагировал Ли, у него в свою очередь включились рефлексy финансового специалиста, – надеюсь столь удачная встреча послужит предлогом для интервью у Брианы?

Попасть в колонку Бартонa мечтали многие. Четверть Шиола читала либо «Баллинские известия», либо перепечатки из нее в местных газетах. Его знали во всем мире и статьи пользовались огромным успехом и в других странах. Попасть к нему на перо и удостоиться отзыва, иногда даже отрицательного многое значило.

Что такой человек мог делать на железнодорожном вокзале Утнока, Мэлкома не особо занимало. Удача шла к нему в руки и грех было ее не использовать. Тут уж не волнуют и расстрелы в десяти метрах от них. Одно другого абсолютно не касается. Ну будет две статьи на разные темы. Для Брианы такая встреча серьезнейшая удача.

После покупки двигателей новейшего образца на предприятии Ветровой они собирались устраивать шоу по всей Патре, частично возвратив затраченные средства. Оказалось очень неудачный момент и сроки выбрали. Придется отменять повсеместно выступления и неизвестно из каких сумм оплачивать возвращение в Шиол. Сплошные убытки.

Бартон в свою очередь нешуточно обрадовался стечению обстоятельств. Почему бы не воспользоваться оказией во всех смыслах. Не просто поездка – полет. Не баловство, а

по делу. Когда еще так удачно совпадет. Это будет первый в своем роде репортаж. Она не откажется. Контракт с показательными полетами, судя по происходящему невыполним по объективным обстоятельствам, а деньги авиаторше потребуется.

– Молчать всем! – снова крикнул капитан.

– Действительно, – пробормотал Бартон, – давайте продолжим наше знакомство позднее. – Одно интервью, – он подмигнул девушке, – с удовольствием. А потом у меня интересное предложение. Только побеседуем где-нибудь в менее нервной обстановке.

* * *

Его разбудили голоса и запах дыма. Еще толком не продрав глаза, Стен сел и зябко поежился. По утрам уже достаточно прохладно. Все-таки Новый год недавно случился. Осень¹ на дворе. Здесь не полюс, однако заметно температура упала. Курткой укрываться недостаточно. Не мешало бы перину или за неимением оной хотя бы армейское одеяло.

Отвык он путешествовать налегке и без десятка готовых моментально притащить все нужное. Разленился. В каком-то смысле даже хорошо вот так ехать. Практически отпуск вышел. После тюремной камеры совсем недурно прокатиться с ветерком и заночевать на природе. В жилые места соваться не следовало. Даже в расчете на вкусный ужин. Непременно запомнят и долго обсуждать примутся.

Он пошарил по карман и извлек портсигар и зажигалку. С удовольствием закурил, глядя на звенящий по соседству ручеек и с отвращением представляя, как пойдет умываться. Вода наверняка ледяная. Отошел в сторону и, не вынимая сигареты изо рта, оросил ближайшие кусты. Потом совершил героическое усилие и, прихватив полотенце с куском мыла, двинулся на утренние процедуры.

– С добрым утром, – приветствовал его Рыбалков, с глубокомысленным видом принимаясь к вареву в котелке.

– Вот какого... ты с нами едешь? – спросил Стен без особого неудовольствия. Вопрос из разряда риторических. Если и знает, из каких соображений Рудов его прицепил в качестве сопровождающего, все одно не выдаст. – Машину водить не умеешь, чинить тем более. Сварить обычную кашу тебя приходится учить, стрелять не умеешь.

Он уселся, аккуратно прислонив машинально прихваченный ППВ рядом к подножке машины.

– Проводник из тебя тоже липовый. Вон Крис всю округу знает.

Фраза вышла несколько двусмысленной. Не первый год все семейство Кублина промышляет контрабандой и возит грузы со всевозможных судов, без огласки разгружающихся в далеких от таможни местах.

Иногда Стен без особого воодушевления подумывал, какие меры придется применять к таким вот своим парням, после захвата власти и невольно вздыхал. Обид будет море. А придется брать всю эту братию за глотку в обязательном порядке.

Правда конкретно с рыжим будет проще. Он от дел удалился, поразив в самое сердце всю свою многочисленную семью удивительным поведением. Организованный им заводик стабильно и неплохо кормил. Правда, сам механик маялся. Ему не хватало в жизни чего-то авантюрного и предложение Рудова о сотрудничестве принял с огромным воодушевлением.

– Только поглощаешь наши продукты, – полушутя воскликнул Стен. – А цены нынче жуткие!

¹ Новый год отмечают в осеннее равноденствие. Астрономическое начало нового времени года. Немаловажно для сельскохозяйственных культур.

– Все подорожало за последние месяцы страшно, – серьезно подтвердил Кублин, почти наверняка приняв подколку за чистую претензию. С юмором у него было неважно. – Я когда вернулся после войны, прекрасно помню, и то легче жилось.

– Во-первых, – ничуть не смущенно заявил журналист, – господин рыжей масти...

– Но-но, – возмутился Кублин, – масть – это у лошадей. У я правильного колера. Как все мои родственники. Попрошу без слишком умных слов в мой адрес. А то ведь и по шее запросто. Мы люди из народа – общаемся по-простому.

– Договорились, – согласился Рыбалков. – Я хотел сказать, кто ж поверит при проверке документов, что ты приобрел вот эту красавицу, – и он широким жестом указал на автомобиль.

– Грузовик – это он, – твердо сказал Кублин.

– Я ей под колеса не заглядывал, – отперся тот.

Кублин в недоумении смотрел несколько секунд, потом заржал, сложившись пополам и повизгивая.

Бегство из рук враждебной военщины вышло достаточно оригинальным. На месте высадки со шхуны его поджидали не только два хорошо знакомых соратника, но и средство передвижения. Подарок от замечательной сестрички с дальним прицелом. Уж кто-кто, а она своего не упустит. Испытательный пробег новейшего грузовика с мощнейшим 60 сильным двигателем по окружным дорогам и желательно без оживленных трасс. Бывший рядовой и контрабандист Кублин, в качестве штурмана прилагается.

Он бы непременно обиделся на подобное потребительское отношение к себе, но в каком-то смысле ведь все правильно. В поезда и вообще оживленные места ему лучше в ближайшие дни не соваться. Листовку с предложением выдать особо опасного типа Стена Шаманова ему Рыбалков показал сразу. Можно гордиться. На его памяти двадцать тысяч «корон» и анонимность в придачу еще ни разу не предлагали. Обычные бандиты шли максимум за тысячу. За недоловленных лидеров Национальной Лиги предлагали пять-семь. Видимо это и есть всенародное признание вкупе со славой.

Поездка по проселочным дорогам была подходящим решением. Вряд ли кто заметит его лицо, вылупившись на проносящийся мимо самодвижущийся транспорт. Ну насчет «пронестись» это сильно сказано – 15–20 лиг/ч по вменяемой дороге, 10 – по обычной для далеких от городов мест. Не так уж и много их пока в округе. Пару, тройка тысяч на весь остров. Грузовые самобеглые коляски редко далеко удаляются от основных городов. О появлении будут судачить многие недели после её проезда. Ну и пусть смотрят вслед.

Никому с самым извращенным воображением не придет в голову заподозрить самого разыскиваемого господина в подобной наглости – раскатывать с шумом и совершенно открыто. А на крайний случай появления одинокого вооруженного жандарма они все вооружены. От журналиста толку будет немного, зато бывший рядовой, не смотря на его деревенскую рожу и оттопыренные уши, крайне опасный тип.

За три года Кублин так ни разу и не выстрелил в сторону узкоглазых, прочно заняв место одного из техников Сводного отряда. Починить откатник артиллерийского орудия, перебрать в очередной раз забарахливший двигатель или выточить деталь на токарном станке без проблем. На вопрос где научился, мямлит нечто невразумительное. Темнит.

По личному делу за ним числится четыре класса и место ученика на вагоностроительном заводе. Аж два года перетрутился. А потом три убитых полицейских (не доказано) и здравствуй дорогая армия. Про контрабандные дела он поделился далеко не сразу и не с Шамановым. Дошло уже после демобилизации, когда Лайс Рудов привлек к своим делам.

В принципе Стену нравилось подобное времяпровождение. Никаких забот и глубоких раздумий. Крути руль и следи, чтобы не влететь в яму. Получай максимум удовольствия, прежде чем начнутся очередные сложности. Самая лучшая проверка не соревнования, когда

требуется выжать из машины все силы, давя постоянно газ, а вот такая поездка. Нагрузки запредельные, обслуживание минимальное. Если вспомнить про 30 % принадлежащих ему акций, еще и впервые за последние годы для себя лично старается. На карман.

Грузовик, названный очень удачно «Муравьем» за массивный капот, приземистость и широко расставленные колеса, а также огромные фары на деле показывал – Мата слов на ветер не бросает. Если не считать дополнительного груза в виде колес, канистр с бензином, двух банок с маслом и кое какой мелочевки, включая инструменты, предусмотрительно складированных в кузове специально не дорабатывался. Абсолютно стандартный экземпляр. Интерес в том и состоял – тщательная проверка не на полигоне или в городе, а в горах. Понятно, на кручи он лезть не собирался, однако впереди ожидали далеко не лучшие условия.

Пока что он отметил в специальной записке семнадцать недостатков. Реально все они были сущей мелочью. Инженерам на заводе данные пригодятся, но всерьез обругать рука не поднималась. Лозунг: «Делай как можно проще и надежнее» во всей красе и на практике.

Усиленная рама, подвеска, тормоза и литые шины в содружестве с мощнейшим двигателем позволяли преодолевать препятствия, на штурм которых он бы не решился в другой ситуации. Согласно приложенному к инструкции письму без подписи, он знал про восемнадцать патентов на конструктивные решения. Все эти мелочи Сиена не интересовали. Он не конструктор, а водитель и заинтересован выяснить надежность «Муравья».

Запас хода прописан 215 лиг. Фактически вышло на бак меньше, но они дорогами с нормальным покрытием не пользовались. Кроме того двигатель охотно употреблял не очень качественное топливо. В горах достать высокооктановый бензин будет не просто. Сеть заправок существовала пока исключительно в фантазиях Маты. Как и мастерские по техническому обслуживанию и страховая компания. Если что всерьез сломается, им с Кублиным придется приложить собственные ручки. Вот с застреванием проще. На то лебедка имеется.

Три тонны, предусмотренные техзаданием «Муравей» тянет без натуги. По приличной дороге возьмет и больше. Кроме запчастей в кузове присутствовала большая куча ящиков с патронами к КПВ и он сам в разобранном виде. Тут уже не просто увеличение составных частей станкового пулемета. Оригинальная недопушка. А вот насколько она подходящая для войны можно проверить исключительно на практике. В окопах вряд ли много пользы, а вот на кораблях будет. Недаром таможенники заказали сразу партию.

До пулеметного станка, крепящегося в грузовике или даже легковой машине, Борс не додумался. А ведь идея не так уж глупа. Станок обеспечивает отсутствие отдачи и необходимую кучность при стрельбе. А кроме того скорость и удобство. Попутно можно и щит для стрелков на манер оружейного поставить. Даже прикрыть кабину броневыми листами. Мотор мощный – потянет.

Нечто подобное он углядел на шхуне. Бусловские люди сделали самопальную установку, но там чисто на коленке гнутая подставка. Все-таки вещь будет удобнее малокалиберного орудия на судах. Требуется хорошо обмозговать.

Правда в целях сохранения аккумулятора и стартера заводить предпочтительней ручкой. Это он отразил в своих претензиях, прекрасно зная – ничего лучше предложить на сегодня нельзя, просто не существует. Не производственный дефект, добрые пожелания на будущее.

– А во-вторых? – спросил Шаманов, доставая ложку.

– В смысле, – не понял Рыбалков, – а! Я литератор, – провозгласил с гордостью, под очередное фырканье на удивление смешливого механика – и нахождение вблизи объекта...

– Объект, – заливаясь ржанием, простецки ткнул Стена в бок Кублин.

– ...замечательно поможет в карьере. Представьте себе, напишу я в некрологе после смерти о Команданте...

Стен тщательно облизал ложку от каши и не особо сильно врезал ему по лбу.

– Ты бы думал, что говоришь и при ком, – посоветовал. – Не все настолько терпеливые.

– Я для примера. Был такой замечательный человек, – отодвигаясь вне досягаемости, продолжил Рыбалков, – обладающий замечательным интеллектуальным потенциалом. Способный вникнуть в любую проблему и решить ее единственно возможным и правильным способом.

– Подхалим, – беззлобно прокомментировал Шаманов. – Ешь, давай. Может с полным ртом, заткнешься.

Совету последовал один Кублин, журналист продолжил заливаться без остановки. У него явно начался очередной приступ недержания речи. Судя по отзывам, он и следователей довел своими длиннющими монологами со множеством отступлений до белого каления и его поспешно изгнали из Крепости, приняв за больного головой. С любого места и по каждому поводу запросто продолжит говорить пару часов. Причем только хорошо знакомые с его манерой заметят тонкое издевательство.

– Наш герой был доступен и доброжелателен, – поведал с ясными глазами прямо в данный момент сочиняя некролог. – Очень контактный человек. Приятен в общении. Деловит и обязателен. С огромными запасами терпения.

– Мое стремительно заканчивается, – предупредил Стен.

– Но все это запросто поведают многие. Ведь что важно для демонстрации личного знакомства и близких отношений? Мимолетно вставить нечто неизвестное широкой публике. Очень он любил свою зажигалку, – произнес Рыбалков завлекательным тоном, – с виду ничего особенного. Наверное каждый третий демобилизованный притащил домой похожие самоделки. Ха! Это лишь на беглый взгляд. Обычно берется гильза с припаянным огнивом и кресалом. Ни ума, не выдумки. А теперь внимательно присмотримся к вещице, используемой нашим выдающимся человеком.

Кублин положил ложку и устался на журналиста. Стен его прекрасно понимал. Не так уж часто при нем заливались на цепляющую тему, не подозревая о кровной заинтересованности слушателя. Когда-то Стен навещал в госпитале старого товарища, с ампутированной рукой и тот пожаловался на невозможность пользоваться зажигалкой. Требуется одной держать, другой щелкать по кремню. Шаманов попытался придумать запальник, для которого достаточно одной.

Воплотить его чертежик в жизнь взялся большой технический специалист Кублин, попутно с официальными работами приторговывающий самыми разнообразными поделками из казенных материалов. Между прочим только не слишком умным представляется как это легко и просто сварганить нечто совершенно новое. С виду все представляется замечательно просто. Потом, когда кто другой сообразил.

В результате сближения на почве совместного труда Кублин всерьез зауважал Шаманова и перестал его воспринимать в качестве начальника, которого необходимо обязательно обмануть. Конечно, инженер на заводе все одно выше по положению, но не относится к скотам. Такой же человек на жалованье, как и квалифицированный мастер.

В простейшей зажигалке появившейся в результате их совместного творчества, ругани и переделок содержится 22 маленькие детальки. Она имеет открывающуюся крышечку на пружинке и не тухнет на ветру. Первые три экземпляра себе, командиру и раненому он сделал бесплатно, а потом перешел к торговле. За оригинальное изделие брал две «короны», совсем не маленькие деньги, зато и внешнее оформление ни разу не повторил. Все зажигалки выходящие из его рук были строго индивидуальны.

Уже вернувшись домой Кублин не поленился зайти в гости к бывшему командиру и предложил партнерство. У профессиональных контрабандистов и воров своя профессиональная этика. На фронте он и не подумал отслюнявливать долю офицеру. Пошлет за подоб-

ное предложение в известном направлении и правильно сделает. Другое дело на гражданке. Кушать всем охота.

Шаманову было не до материальных планов бывшего подчиненного. Он к тому времени уже всерьез завяз в делах Лиги Ветеранов и отмахнулся. Да он и не додумался, как можно жить с производства зажигалок. Целых 82 штуки сумел предприниматель продать! Не стоит огород перекапывать в расчете на появление богатого урожая. Поэтому и название компании осталось совершенно нейтральным – «Огонек», а в учредителях он не числился.

Зато помог выправить правильно патент, сведя с кем нужно. Кублин оценил его поведение правильно. По собственной инициативе принялся стабильно платить десятипроцентный налог в кассу Движения. Достаточно быстро его продукция сделала себе имя и вместо двух рабочих с ним во главе старательно трудилось уже два десятка, а продаваемые зажигалки подбирались к тысячи в месяц. И это при немаленькой цене.

Дело в том, что изготавливались они с гравировкой, разнообразными надписями и не только из латуни и стали. Даже золото и серебро использовались. Некоторые представляли из себя настоящие произведения искусства. И каждая имела штамп на донышке и номер.

– Изображение пулемета, причем вытравлено химией, не резцом. А потом раскрашено...

Еще и закрепил высокой температурой, мысленно подтвердил Кублин. Работа штучная, чтоб ты понимал!

– ...надпись «Сводный Отряд», на другой стороне лейтенант-комендор Стен Шаманов и Корпус Морской пехоты с двумя датами. А на донышке выбит номер «два» и еще одна дата. Я подозреваю день изготовления. На новых день и месяц не проставляется. Только год.

– Не мог ты видеть донце, – обвиняющее заявил Кублин. – Он в руки не дает!

– Проверим?

Тот что-то невнятно пробурчал.

– Я уж молчу про твою, с номером три.

– Ты случаем по карманам не шаришь по ночам?

– Да, ну, – пренебрежительно отмахнулся журналист, – делать мне нечего. Ты-то оставляешь свою где попало. Кстати, почему ни имени, ни рисунка не имеется? Только какие-то странные даты.

Кублин промолчал. Поднялся и приступил к затаптыванию костра. Стен подозревал в тех числах памятные события, но спрашивать не стал. Поинтересуешься, а рыжий по простоте душевной брякнет, что именно в эти дни полицейских убивал. Тем более имеется еще одна надпись уже более поздняя. Ну его. Не хочет обсуждать, пусть молчит. Его дело.

– Между прочим, ночью стреляли, – сообщил он, – много и пулеметы работали. Далеко, однако, как раз по дороге и объехать не удастся. Не нравится мне это.

– А я знаю неплохой способ увеличить продажи зажигалок, – невинно сообщил Рыбалков.

Похоже, не столь он наивен был и прекрасно знал про хозяина «Огонька». А уж сделать вывод из номеров два и три не требуется иметь огромные мозги. Они и не скрывали с самого начала старого знакомства и совместной службы.

– Ну? – лениво спросил Стен, не дожидаясь реакции Кублина.

– Во-первых, включить в рассылочные каталоги. Зудов хорошую вещь придумал. Во-вторых, предложить для подарков серьезным фирмам с эмблемой компании. А? – спросил победно глядя.

– В награду за гениальную идею помоешь посуду, – вручая ему котелок, приказал Шаманов, – другой пользы от тебя не предвидится.

– Он балабол, – сказал рыжему соратнику негромко, когда Рыбалков недовольно ворча про неоцененный талант, удалился к ручью, – а мысль стоящая. Я бы еще дарил известным

людям. Иногда полезно дать просто так какому губернатору, непременно все посетители спросят, откуда такое чудо и часть приобретет.

– А поставки нашим доблестным вооруженным силам? – совсем не в шутку спросил Кублин, проявив неожиданную деловую сноровку.

– Ха! При условии добровольного отчисления со своих доходов можно и подумать. Естественно в упрощенном виде и не за твою обычную цену.

– Значит, договорились, – поспешно сказал шустрый предприниматель. – И проще сразу скинуть цену, чем потом возвращать. Маленькая накрутка на себестоимость. Двадцать процентов.

– Десять, – твердо сказал Стен. – Считаю реклама на всю Патру без усилий. Корпус стальной и гладкий, без излишеств. Краской покроешь, чтобы не блеснул, а надписи сами при желании сверху нацарапают.

– По рукам!

* * *

На повороте он затормозил, удивленный столпотворением. Впереди замерло не меньше десятка телег с разнообразным грузом и люди торчали на виду, всматриваясь куда-то в сторону железной дороги. Некоторые торчали в полный рост прямо на повозках и в позах заметно напряжение. Шли себе по делам или везли на рынок продукты, а тут не пускают. Двое в форме впереди затора стояли достаточно недвусмысленно, держа в руках винтовки. Еще один сидел на обочине. Что характерно, никто не пытался орать, размахивая руками. Совсем рядом, впереди раздалось несколько выстрелов. Знакомый до безобразия звук. СКВ.

– Это не военные их задерживают, – напряженным голосом сказал Кублин. – Вон у того в руках ППВ, точная копия твоего.

– И погон не видно, – подтвердил Стен.

Они переглянулись и рыжий засунул пистолет за пояс, прикрывая курткой.

– Пойду, гляну, – поставил в известность, открывая дверцу со своей стороны. – А ты если что разворачивайся и через железку напрямую без переезда.

– Будем драпать? – спросил с интересом журналист из кузова.

– Похоже не придется, – вон Кублин идет назад и чуть не в обнимку с этим... А! – вскричал обрадовано продолжил дальше и непечатно Стен, когда человек с пистолет-пулеметом оказался ближе. Он полез наружу перестав нервничать, – сержант Вулканов, вы что здесь делаете? Почему не пропускаете честных граждан по их делам?

– Ну, – отводя глаза, ответил тот, – вам бы лучше самому с Геллером побеседовать.

– Пойдем, – прыгивая на землю, согласился Шаманов. Он уже осознал, каникулы закончились. Впереди что-то совсем не радостное. Макс сорвался и теперь придется долго расхлебывать последствия.

Его уже не особо удивили вагоны лежащие под откосом. Оценил сходу: удачно место для диверсии выбрали. Насыпь, поворот, спуск. С той стороны болотце и не спрячешься, даже если успеешь выскочить. С этой сотня стрелков с пулеметами. Воевать мы умеем. А вот лежащие вповалку в ровчике полураздетые люди неприятно поразили. Здесь не воевали – убивали сдавшихся. На деревьях сидели тучи воронья и ждали. Никто не собирался хоронить убитых и скоро ожидалась пожива.

Вокруг опрокинувшихся вагонов со следами от пуль сустились люди в форме без погон. Собирали оружие, разнообразное имущество. Стаскивали к дороге и грузили на грузовички. Это были явные родственнички «Муравья» по виду, хотя и заметно меньше. Грузоподъемность тонны на полторы. И в кузовах двух из них торчал закрепленный КПВ. Не ему одному приходят в голову полезные идеи.

Кое-кто его узнал и моментально убрался с дороги. Другие наоборот бросили занятия и попытались подтянуться. Шаманов остановился и посмотрел внимательно на самого близкого.

– Почему не выполняете приказ? – спросил отчетливо и громко. Люди поняли и поспешно вернулись к прежнему занятию.

Сейчас не время для митингов – это Стен знал точно. Сначала необходимо разобраться с произошедшим. И если придется дрючить Макса или еще кого, не при всеобщих слушающих ушах.

Вот что у него не отнять, подумал, когда Геллер встал по стойке смирно вместо того, чтобы лезть с объятиями и показывать близость окружающим глазам и по-военному отдал честь, так ума. Сразу сообразил. И доклад, будто по написанному тексту.

– Скажешь, я был не прав? – спросил негромко Макс, – можешь наказать любым способом. Хоть в рядовые.

Люди слышали слова подполковника, обращенные к офицерам: Чтоб они сгорели, дерьмо! Ничего не бойся, скажи своим ребятам не стесняться в средствах. Я, говорил, спец по этой публике. Бить и расстреливать. Пусть боятся! И не бегай ко мне за разрешением. Сам действуй.

В Утноке расстреляно трое. В Кинфине уже десять. На станции Ташим восемь. Троим было шестнадцать и к забастовщикам отношения не имели. Попались под руку. В Исбрине двадцать четыре. Брали по спискам профсоюзников. Начальника станции и телеграфиста расстреляли.

В Озерном шесть расстрелянных, тринадцать повесили. Прямо перед станцией и запретили снимать. Двух арестованных дорогой пристрелили и выбросили из поезда. В Ашиткове люди уже знали и разбегались, так схватили на улице троих, лица кому-то не понравились и подполковник лично убил всех.

Подошел к нему бывший сержант Надеждин, уже пожилой человек, между прочим орденосец и гражданин королевства, не протектората, сроду в Лиге не состоящий и спросил: «Как ж так можно, без суда»? Друммонд и его убил. Вот так. А в «Дне» они стали стрелять прямо из вагонов по людям. Шестьдесят два погибших. Потом еще двадцать три человека расстреляли и опять половина безвинные. Неудачно подвернулись под горячую руку. Начальника станции штыками убили. Бригаду, отказавшуюся вести поезд дальше тоже штыками – восемь человек. Мало? Я их всех приговорил, – все так же тихо и спокойно, сказал. – Я! Лично своим желанием. Собрал своих парней и прикончил. И сдающихся тоже. Раньше надо было думать, что творишь!

– Сколько?

– Сто двадцать три нижних чина и восемь офицеров.

– Сколько у тебя людей? – терпеливо уточнил Стен.

– 191 человек, 4 ручных пулемета и 2 КПВ.

– Завтра здесь будет кавалерийская дивизия и всех вырубят, ты это понимаешь?

– И что делать?

– Делать, делать. Думать надо, прежде чем стрелять! Кровь как водка пьянит, а от действий пьяных еще ничего хорошего не произошло.

Макс сорвался, в очередной раз, показав, насколько он недалеко ушел от подобных карателей. Всех кончить, чем это лучше действий, которые его возмущают. Хоть бы суд публичный устроил и то решение лучше. А как ни жалко людей, убитых армейцами, они на пользу. Опять не мы начали. Даже Геллеру оправдание имеется.

– Так, – приказал после паузы, – лично едешь на «Дно» и отвозишь туда тела офицеров. Можешь выгрузить прямо перед станцией. Не сам, понятно, один взвод с собой. Произнесешь речь о возмездии.

– Я не умею! – испуганно отметил Макс.

– Вот что мне говорил, то и повторишь для всех. И резюме – так будет с каждым, нарушающим правила. Должен быть суд и возможность защищаться. Адвокаты и прочее лабуда. А мы не бандиты, а Народная Армия и имеем право на соответствующее отношение. Иначе каждому воздастся за дела свои. Поименно. И кто не остановит взбесившегося начальника, виновен не меньше. Это ясно?

– Так точно.

– Мы отходим на Фармин, потом на Логлин. Забираем с собой весь подвижный состав железной дороги и взрываем за спиной мосты. Все. Игры закончились. Дороги назад после этого нет.

И как бы не специально ты мне это устроил, подумал без особой злости. Рано или поздно случилось бы. Не это, так другое.

– Надо общий сигнал подать. У меня радиостанция с собой.

– Это удачно. Ко мне его. Пусть и по радио для всех передадут. Шаманов прикинул и кивнул своим мыслям. – Все равно требуется общее обращение. Официальное. Телеграф. Где ближайший?

– Шесть лиг – станция «Горбатая».

– Кто этот умник выдумывающий названия? Ладно. Я уйду туда и забираю остальных. Ты выполняешь приказ и быстренько двигаешься за нами. Кстати, столбы тоже валить, – он посмотрел на часы. – Через шесть часов приступаем. Связи у армии быть не должно.

– А, – нерешительно поинтересовался Макс, – откуда передачи идут? Ну, радио Свободы? В горах станции нет, я бы знал.

– Когда научишься держать свои эмоции в узде, получишь дополнительную информацию. А пока что не ясно? Он обернулся и недовольно уставился на подошедшего Рыбалкова. – Да?

– Вот, – невразумительно сообщил тот, вручая несколько исписанных листков из блокнота.

«О Патра, остров наш, прекрасный. С тобой говорю я. Почему ты печален, ведь на улице весна и природа пробуждается к новой жизни. Откуда вдруг траурные одежды. О чем льешь слезы в скорби?

О мертвых своих плачешь. О детях своих. Что и кому они сделали плохого? Слушайте правду – они не совершили ни одного преступления. Они хотели обычной справедливости. И даже не все. Смерть безжалостно вырвала из рук родителей и обычных детей. Эти негодяи в военной форме не охотились на врагов государства. Они целились в беззащитных. В мирных людях.

Почему? Чтобы заставить вас бояться! Чтобы Патра сжалась в страхе и не смела поднять голову. Чтобы не заботилась о своих интересах, а служила батраком. Они ошиблись. С помощью страха ни разу не удалось решить ни одной проблемы. Зато народ мой, ты точно знаешь, у нас больше друзей в правительстве Шиола. Нет их в армии. А может и не имелось никогда? Задумайся мой прекрасный остров. Пришла пора отрезветь и не надеяться на чью-то помощь.

Помоги себе сама и Бог тебе поможет. Хватит упираться и просить милости. Наши жертвы вопиют к твоему разуму. Ведь они не последние и должны быть отомщены. Слушай и запоминай мой замечательный остров: настал час потребовать от каждого считающего себя достойным и порядочным человеком, к какой бы группе или политическому направлению он бы не принадлежал – хватит пустопорожней болтовни! Пришел час браться за оружие!

Слушай Патра! Пришла пора показать кто мы. Достойны ли свободы. Барабаны бьют атаку»!

– Хорошо, – сказал Шаманов, поднимая глаза от текста. – Винтовку я тебе не дам. Польза и без того будет. Постарайся добавить приблизительно вот такое: отныне происходящее открывает дорогу не липовым, а настоящим заслугам. Не всем подряд, а людям, у которых есть идеалы и мужество. Добровольно идущим в бой.

– Подставить грудь под пули и высоко поднять знамя свободы, – известил его Рыбалков в глубокой задумчивости.

– Ну что-то в этом роде, – согласился Шаманов. – Бунт – это бунт. Это бессмысленное разрушение и отсутствие программы. Проломили голову, сожгли полицейский участок и разбежались по домам, трястись пока их всех не арестуют. Мы не бунтовщики. Мы революционеры. Здесь важнее идея. Тут хоть всех перестреляй, но остановить прочно пустившую корни в массах идею не удастся. Ясно?

– Ага, – подтвердил журналист.

– Вот и замечательно. Иди пока исправь. Исполним непременно по радио твой шедевр для всеобщего сведения. Натурально не шучу, работай. А ты чего стоишь? – удивился, присутствию Геллера. – Марш, марш, в «Дно». Время уходит.

Церковь считает манипулирование людьми страшным грехом, без раскаяния подумал, подзывая Вулканова и вертя головой в поисках других знакомцев. С нашивками – это правильно. Проще разобраться с иерархией.

Хуже всего цеплять на страх перед смертью или сулить посмертные блага. Никто не знает, куда ты попадешь после гибели и не имеет права об этом рассуждать. Но обещать карьеру за кровь тоже как-то не очень. Ладно, пусть Верховный Судия разбирается, где он напортачил. Рая, во всяком случае, добровольцам не обещал, а почет всегда был по заслугам. Лишнее и вычеркнуть не долго.

Интерлюдия

В первый месяц восстания на острове было совершено 112 политических убийств. Стреляли в военных, полицейских, чиновников. Любой человек в мундире подвергался опасности. Количество раненых естественно было в несколько раз выше. Одновременно отмечено несколько случаев, когда грабили якобы тоже по идейным соображениям. Точных данных не имеется, но видимо часть сумм реально ушла в карманы Лиги.

При этом жизнь продолжалась своим чередом. Люди работали, женились, праздновали юбилеи, болели и ломали ноги. Надо осознать, что без всенародной поддержки многие акции не могли бы состояться. Нелегальная деятельность постепенно превратилась в норму жизни для массового сознания народа. Неподчинение властям или уклонение от предписаний – долгом чести.

После запрета забастовок и расстрелов принимающих в них участие, сопротивление превратилось в норму поведения. Рабочие на государственные заказы трудились нарочно медленно, портили инструмент, погуливали, занимались бракоделством, халтурой. Поджигали склады, добавляли в смазку песок, искажали документацию.

Армия отреагировала очень жестко. Схваченные при покушении расстреливались на месте. При нахождении оружия людей арестовывали и судили в кратчайшие сроки по законам военного времени. На улицах городов постоянно находились патрули и в вечернее время они стреляли без предупреждения по малейшему подозрению и обыскивали всех подряд. Всеми этими мерами накал многочисленных актов под воздействием эмоций удалось сбить. Зато организованное подполье получив опыт и мотивацию перешло к гораздо более подготовленным и серьезным диверсиям.

История терроризма. Люди, цифры, факты.

Глава 2. Фиона Хейс. Экстренная медицинская помощь для всех. 2700 г

– Тот адрес? – нервно спросила из-за спины барышня Беленькова. Звучала фамилия как издевательство. Девушка была жгучая брюнетка и в роду у нее без сомнений присутствовали пираты из Тукана.

Очень уж у нее характерная внешность. Два корабля прибившихся к Коровьему мысу после шторма давно вошли в легенду. Из обычных грабителей оба капитана превратились в основателей родов, умудрившись встроиться в местные взаимоотношения почти без сложностей.

Прибились к слабому клану и повели его за собой, подчинив всю округу, никогда не переходя определенной черты. Не лезли к чужакам со своими обычаями, охотно перенимая полезное. Никого не удивляет название Клана Беленьковой – свочи. Опытные патраны влет вычисляют происхождение по физиономиям. Туканцы оставили хорошо заметный след, проявляющийся среди потомков формой носа и цветом волос.

– Вон, витрина разбитая и военные торчат, – уверенно тормозя, объяснила Фиона.

Двигатель глушить не стала, поставила на ручник и выскочила наружу не дожидаясь. Жестами объяснила кому куда.

Приличного шофера пока не нашлось и она уже неделю добросовестно трудилась в роли водителя на выездах, продолжая исполнять обязанности начальника. Занятий у нее теперь имелось море и скучать стало некогда. А поездки из развлечения превратились в рутину. Что-то в очередной раз ушло и вернуть назад не получится. Что, она и сама не знала. Легкость порхания? Уйти, плюнув на все – признать несостоятельность навсегда. Ты мужняя жена и задавись. Она всегда хотела не этого. Самостоятельности.

Умелой медсестры в эту машину тоже пока не обнаружилось. Вернее они были, но работали посменно на остальных «скорых». Все сейчас в разъездах, в Натмуке, а судя по слухам и не только здесь, творился какой-то откровенный ужас. Стреляли по нескольку раз в день и в больницы регулярно везли посторонних людей, словивших шальную пулю. Количество убитых уже давно выскочило за любые рамки.

Сейчас пришлось мчаться на срочный вызов на запасном, недавно подаренном очередным благодетелем и не обкатанном автомобиле и брать с собой эту самую Беленькову, приведенную Кормиком. Она хоть имеет намеренье чему-то серьезному научиться и надо надеяться в обморок при виде крови не грохнется. Парнишка с понятием. Тоже не великий специалист, но готов всегда помочь.

Раненый оказался прилично одетым молодым человеком с небольшой бородкой и удивленными голубыми глазами.

– Мне не больно, – растерянно сказал он, – когда Фиона принялась осматривать ногу. – Просто не могу встать.

– Это шок, – объяснила она не столько для него, сколько для Беленьковой. – Кто наложил жгут?

– Я, – сказал подошедший сержант.

– Правильно сделали. Когда?

– Минут двадцать назад. Нас учили.

– Нельзя держать затянутым больше двух часов, – сообщила она опять для барышни. – Потом начинаются необратимые изменения. Очень важно знать сроки. Бумажку с временем в повязку.

– Да, я помню, – поспешно закивала та.

В обморок не собирается, хотя кровищи много. Почему парень не отключился не ясно. Нервы.

– И вы говорили средний срок доставки два часа.

– Это пока. Дай Бог станет транспорта больше, скорость увеличится. И телефонов не мешает добавить, – после паузы добавила. – Ну чего стоишь? – потребовала от сержанта, – зови своих солдат, пусть помогут донести до машины.

– Да, – послушно согласился тот и заорал, подзывая патрульных. Те торчали у разбитой витрины и настороженно оглядывались по сторонам, не выпуская из рук оружия. Так и двигались. Двое несут раненого, еще двое шарят стволами и зрчками по окружающим. Люди смотрели на происходящие и у многих был достаточно неприветливый вид. Человек громко стонал. Он уже не удивлялся отсутствию боли – она пришла.

– Расходитесь, – громко сказала Фиона, – помахав рукой. – Раненый отправляется в больницу. Последнее что ей требовалось в данный момент так это беспорядки со стрельбой. – Кормик?

Тот помотал головой отрицательно. Двум остальным помощь уже не требовалось. Запрыгнул в кузов и устроился возле раненого на специальной скамейке.

– Молодой идиот, – сказала Фиона минут через пять, со злостью, пытаясь объехать очередного извозчика. Тот изображал непонимание и прижаться к обочине не желал. Надпись «Экстренная медицинская помощь» его не трогала. А может и читать не умел, – сколько ему лет?

– На вид семнадцать-восемнадцать. Форма училища, уже не школьник, – ответил Кормик глухо.

– Взял папин револьвер и принялся стрелять в первого попавшегося лейтенанта. Естественно его наспиговали пулями остальные патрульные. А заодно и совершенно постороннего человека. И они в это не виноваты! Они сами напугались!

– И что надо было сделать? – спросил парень.

– Во-первых, не лезть сразу к нескольким, подловить одиночку. Во-вторых, выстрелил – драпай. Не дожидайся ответа. И лучше всего поэтому палить в спину.

Барышня пискнула не находя слов от подобного цинизма.

– А самое главное, – гневно воскликнула Фиона, – неплохо бы, прежде чем убивать посторонних людей задуматься не о себе, о родителях. Каково им сейчас будет? Попробуй поставить своих на их место и подумай хорошенько, стоит ли связываться с подобными делами.

Она спиной чуяла его скептсис. Не бегай Кормик регулярно к своей подружке, наверняка тоже бы что-нибудь героично-дурное отчебучил. У Ветровых, кроме средней сестры, вся семейка не вполне нормальна. И та рисует потихоньку платья, что в обществе пальцами показывать обязательно станут, попробуй надеть. А уж связи с Лигой через Стена такие, что их с утра до вечера должны пасти агенты.

– Эй, – встревожено сказал сзади Кормик, – ты чего это? Не время терять сознание, совсем рядом.

Фиона нажал на газ и понеслась вперед со всей возможной скоростью, распугивая людей гудками. Неплохо бы завести сирену как на корабле, смутно подумала. Или закон провести, обязывающий уступать дорогу. Пустая потеря времени тащиться за телегой.

* * *

– Сегодня не все пришли, – извиняющимся тоном сообщила мадам Котова, железной рукой увлекая Фиону за собой.

Она поджидала ее прямо у въезда и выдернула из кабины, стоило подъехать к подъезду конторы.

– Времена такие... Ты уж постарайся произвести впечатление на наших толстосумов. Девка симпатичная, покажись, как следует. И не бойся. Веди себя барыней. Я в тебя верю, – запихивая в комнату чуть ли не силком, прогудела в ухо.

Фиона посмотрела на людей перед собой и ощутила себя на экзамене перед уважаемыми профессорами многократно все эти глупости слышавшими раньше и с трудом сдерживающихся, чтобы не заснуть.

Котова, откровенно поддерживала, подмигнув. Великая благодарность. Представила и бросила ее у стола, отправившись к остальным. Две ее компаньонки такими довольными не смотрелись. Раньше они могли требовать отчета, сейчас заявили противные жесткие мужики с гнусными намерениями наводить новые порядки.

Мысленно Фиона согласно давно выработанным правилам общения с родственниками плюнула (пусть бурчат, она и в дальнейшем станет делать исключительно что нравится) и принялась подробно излагать недавнюю историю своей деятельности. Основные факты еще свежие и из головы не испарились. Точные цифры всегда можно проверить, заглянув в листки с записями. Между прочим, давно пора привести финансовую отчетность в нормальный вид. Объявление что ли дать в газету? Так ведь придется жалованье платить еще одному клерку!

– Сто семнадцать выездов за неделю, – говорила для общего сведения, – 2–3 раза в день уже сейчас. Пока немногие знают куда обращаться и номер телефона. Ожидается в ближайшее время серьезный рост количества вызовов. В восемнадцати случаях вовремя привезли. Еще пол часа-час и умерли бы прямо на улице. У остальных не было опасности летального исхода, но и с раздробленными ногами, по которым проехала телега желательно не медлить. Проблема с телефонами, их не так много в городе и вызов запаздывает. Сложно и с помещением. Вечно прислоняться к пожарной части мы не можем. Требуется место. Иногда в одном районе несколько случаев сразу, должна присутствовать запасная машина. Два-три сменных экипажа. На автомобиль. Да много чего нужно! – сама для себя неожиданно оборвала речь.

– А почему не написать номер телефона прямо на ваших каретах «Медицинской помощи»? – спросил не слишком приветливым тоном длинный и худой мужчина, с роскошными усами и холодными глазами.

– Хорошее предложение, – признала Фиона. – Спасибо. Так и сделаем. Только будьте любезны, обращаясь ко мне, назовитесь.

Сидевший рядом с ним пожилой дядечка откровенно расплылся в улыбке.

– Как можно не знать Харлеха? – сказал издевательским он голосом достаточно громко. – Это ж кровная обида.

– И вы тоже представьтесь, пожалуйста!

– Я – с покрасневшим лицом оповестил ее усатый, – Харлех Буслов.

Сказано было веско. Ничего удивительного. Есть люди, имена которых на слуху давно и прочно.

Пол столетия прошло с тех пор, как кого-то всерьез заинтересовали морские котики и соответственно Котиковые архипелаги. Большой и Малый. Известны они были с незапамятных времен и на картах принадлежали к протекторату. Когда-то именно выходцы с Патры открыли и вывесили там свои знаки, указывающие всем прочим бродягам, чья земля.

Особого смысла в эксплуатации островов никто не видел. Там ничего не имелось кроме камней и тех самых котиков. По самым приблизительным подсчетам их было не меньше миллиона и приплывали животные на архипелаги для выведения потомства. Несколько месяцев в году над камнями раздавались крики взрослых и писк детенышей. Потом котики уплывали в море до следующего сезона.

В 2672 г королева Шиола появилась на публике в новом оригинальном наряде. Может быть, знай она куда приведет этот показ несчастных котиков королева бы воздержалась от приобретения красивой вещи, женщина она была мягкосердечная. Не судьба. Вид роскошной шубки настолько поразил аристократических модниц, что они возжелали срочно приобрести меха. Причем модное сумасшествие очень быстро доплыло и до других материков. Люди с деньгами заявили: «Хотим!».

Предприимчивые парни, обнаружив стремительный рост цен на шкуры, в раздумья не впали. Индустрия китобойных судов на Шиоле приносила хозяевам огромные прибыли. При затратах на ловлю одного кита в среднем 25 «корон» стоимость продукции на рынке составляла 15–20 тысяч.

Конечно, не одни подданные королевства этим занимались, но на пике промысла, ее китобойный флот насчитывал 236 судов и обеспечивал работой примерно 20 000 человек. Затем, с налаживанием широкого выпуска керосина, спрос на китовый жир резко упал. За последние пятнадцать лет по некоторым подсчетам было продано китового жира, уса и прочих ингредиентов на 800 миллионов «корон».

Очень своевременно появилась новая цель. Каждая шкурка стоила 14 «корон». Миллион несчастных зверей просто напрашивался на уничтожение. Били их без разбора, не щадя ни самок, ни самцов. Через пятнадцать лет от многих известных лежбищ остались только голые участки побережья, а уцелевшие лежбища представляли собой удручающую картину.

Тут проснулось королевское правительство. По не слишком глубокому размышлению оно пришло к выводу о необходимости найти хозяина заинтересованного в постоянном доходе и гонящего всех прочих. Устроили конкурс, кто больше даст за лицензию. Первым оказался Харлех Буслов. Глава китобойной флотилии и большой специалист по отстрелу морских котиков.

Он получил в аренду на 20 лет промыслы при условии ежегодной выплаты в 5 тысяч «корон» на содержание администрации архипелагов, определяющей лимиты отстрела и полиции, контролирующей его действия. А также по две «короны» за каждую шкуру добытого котика. В среднем в год по официальным данным он с этого дела имел не менее четверти миллиона чистого дохода, отстреливая в районе 30 тысяч животных и не давая сбить цену контрабандистам.

Буслов держал у островов небольшой личный флот и совместно с полицией за последние три года захватил 4 шхуны, несколько шлюпок и на законных основаниях его люди убили не меньше двух десятков залетных охотников. Те тоже были совсем не любители природы и добрых дел, пуская оружие в дело при задержании. Так что потери были и среди его людей. Важнее другое. Денег у Харлаха было не просто много. Очень много.

– А я, – со смешком доложил пожилой дядечка, – Моэл Ляпин.

Фиона открыла рот и закрыла. В этом случае ей не рекомендовалось задавать глупые вопросы. Если и существовали на свете открыто ненавидящие друг друга конкуренты, так эти двое. Оба занимались китами, причем у Буслова было 34 шхуны, а у Ляпина 48 судов. Оба построили самые первые плавбазы, позволяющие продлить охоту и забить большее количество китов. Потом вместе переключились на котиков и здесь Харлах лихо обошел соперника, обставив на взятке.

Прямо это никто не признавал, но первоначально губернатор с Казначейством хотели поделить архипелаги. Малый одному, Большой другому. Что-то не срослось. В результате и так друг друга серьезно недолюбливающие миллионщики готовы были порезать соперника на куски. Она и не подозревала, что эти люди способны сидеть рядом и не подражаться.

– Послушайте, – нетерпеливо сказал еще один человек в возрасте. Волосы седые, смотрится молодцом. Так и подпрыгивает в нетерпении. – Почему собственно не поставить это

дело на коммерческую основу? Умирающему наш долг всемерно помочь, – он благочестиво поднял глаза вверх и пробормотал быстренько две строчки молитвы.

– Господин Ратников, – внятно доложил Ляпин, явно забавляясь. – За прошлый год городская Управа получила с него за здания 145 тысяч «корон» налогов.

– Ничего подобного! – возмутился господин, забыв о молитвах. – Это исключительно в центре! А у меня еще 28 лавок и магазинов в разных концах города и содрали 811 тысяч 124 «короны». Сантимы я уж не считаю. Ни стыда, ни совести!

Фионе стало не по себе. Этот был даже хуже всем знакомого Гладкова. Половина так называемых чайных в городе принадлежала ему и неизвестно сколько в других местах. Дело в том, что кабаки облагались серьезными налогами. С чайных брали всего несколько «корон». Только вместо чая там подавали алкогольные напитки. В чайниках.

Почти стопроцентная контрабанда или мутный самогон собственного производства. Посетители были самого низкого ранга. Опустившиеся люди. Зато мест таких было очень много и в результате ему в карман падали полновесные золотые.

О не слишком уважаемых заработках знали все и обычно делали вид, что все нормально. Пусть лучше оборванцы со своими женщинами легкого поведения собираются в определенных местах и не мозолят глаза приличной публике. Крик, шум, драки, азартные игры и даже запрещенный для чайных бильярд где-то там, в темных переулках.

Про Ратникова в открытую говорили, что он не постесняется подослать при необходимости голодранца с ножом к сильно много болтающим. Приводили даже конкретные примеры без малейших доказательств. Поймать его на горячем еще никому не удалось.

Ко всему еще в справке внимательно изученной ей из папочки про Стена приводились достаточно любопытные данные о том, что Лига взяла под контроль основную часть нелегального производства и завоза алкоголя. Деньги там бегали очень серьезные. Ратников практически открыто платил Национальной Лиге за отсутствие неприятностей и бесперебойные поставки.

Доказать это армейская разведка не смогла. Предприниматель с честнейшими глазами заявил о добровольных взносах в кассу общественной организации. Реально связываться с ним просто боялись. Опасный человек и везде ищет выгоду. По нынешним временам – вдвойне. Кто там разбираться станет политика или другая причина убийства?

– Я к чему, – сообщил Ратников, – пусть хоть за доставку платят. Бензин, эксплуатация транспорта.

Ляпин неприятно рассмеялся.

– На городскую больницу дали? Дали! Чего это на вот это должны? Или, – осененный мыслью, радостно воскликнул, – пусть с налогов Управы и организуют. У меня лишнего вот так разбрасываться не имеется! Каждый сантим на счету. Кризис! В торговле застой. Товары нераспроданные на складах лежат. Сплошное разорение творится.

– Тебя никто сюда насильно не тащил, – подал голос Буслов. – Можешь уйти в любой момент и не вонять.

– Принципиально не уйду! – заявил Ратников, усаживаясь. – Желаю знать, на что уходят мои денежки, заработанные тяжким трудом.

– Построить-то больницу построили, – впервые подал голос Уилл, – мест не достаточно. Переполнена больными, лекарств не хватает, отсутствует в достаточном количестве персонал.

– Вот! А нам предлагают отвлекать важнейшие ресурсы на всякую ерунду! Обман! Чистый обман и мошенничество!

– Нет, я все-таки вмажу этой гниде, – поднимаясь, пообещал Буслов.

– Все слышали? Угроза и оскорбление, – довольно завизжал Ратников.

– Кто слышал? – удивился Ляпин. – Я ничего. И не увижу.

– А если я ему рот заткну? – спросила Котова с любопытством, – тоже в суд побежит, позориться перед народом? Он подлец меня обвиняет в желании кого-то обмишлуть. Это ведь я все дело организовала!

Ратников вместе со стулом постарался отодвинуться подальше.

– Это будет прекрасная проверка «Медицинской помощи», – довольно сказала мадам Ситникова. Единственный человек неплохо знакомый Фионе раньше. Столп благотворительного комитета и душа-человек. – Довезут человека до городской – обязательное условие! – больницы или скончается от проломленного черепа.

Ее положено было именовать не иначе как вдова. Последние пятнадцать лет она так и ходила в черном траурном платье. Оно ей не мешало управлять несколькими кондитерскими магазинами, булочными и иметь долю в экспорте зерна. Все равно на фоне остальных миллионщиков смотрелась бледно. Не те капиталы.

– Сядьте все, – внушительно приказал маленький полненький человечек. – И замолчите. Он посмотрел на внушительные золотые часы и вздохнул. – Вечно не хватает времени, – пожаловался неизвестно кому. Пора ехать. Сама идея достаточно важная и удачная, – произнес в наступившей тишине.

Просин или Берешев? – подумала Фиона. Верфи или сахар? Ишь как все слушают, даже Ляпин – уважаемый человек не решился выступить. Не так давно она проживала в городе, чтобы каждого крупного деятеля в лицо помнить. Другое дело имена. Мимо иных не проскочишь, обязательно фамилия прозвучит.

– Ах, да! – сказал тот, явно подслушав ее мысли. – Я Хоуп второй.

Тоже неплохо признала Фиона. Сталелитейные заводы, превратившиеся в Корпорацию. Причем с большой буквы. Практически монополия на Патре, серьезные позиции на остальном Шиоле. Некоронованный король под номером вторым. При желании найдет способ стереть в порошок не только ее, любого из присутствующих.

– Кто даст деньги на 1 Городскую – непременно учтут потом, когда заработает Управа. Вычтут из общих сумм налогов.

– А разрешат? – с сомнением спросил Уилл. – Армейцам проще собирать напрямую и распределять, куда левая нога пожелает.

– Много насобирают без документации и специалистов? Военные! – произнесено было с отвращением. – Украсть обязательно попытаются, но это уже мое дело! Поскольку выборы у нас отменили, господин Скопин, мой хороший знакомый вынуждено вернется в старое кресло Головы. Наши офицеры не имеют ума справиться с городским хозяйством. И не только в Натмуке.

Помещение настороженно замерло. Сейчас им открыто сообщили – как минимум частично идет возврат к прошлому положению. А это важнейшая информация. Налоги, штрафы и многое другое возвращается. А люди... Очень хорошо знакомые люди. Жизнь продолжается с прерванного места. При этом Скопина не арестовали за связи с Лигой исключительно по протекции нескольких влиятельных лиц, включая данного господина Хоупа. Реально притянуть сегодня можно любого. Все, так или иначе, контактировали с лигистами. Многие их одобряли и помогали.

– Забастовка отменяется? – настороженно спросил Ратников.

– После произошедшего на станции «Дно», – Хоуп вздохнул, – есть названия говорящие... Лига выпустила воззвание за подписью Шаманова, – он посмотрел на пол, вспоминая, – не дословно, в пересказе: «Лишние жертвы Лиге не требуются. Спасибо всем. Не нарывайтесь зря. Саботаж работает ничуть не хуже. А пока на террор мы ответим соответствующими мерами. Железная дорога перевозить грузы все одно не будет». И еще: Шаманов просил каждого патрана не сходить один раз в кино, не заглянуть без нужды в бар, а

внести свою лепту в общее дело. «Мы просим деньги на дело свободы, а в залог отдаем наши жизни».

Он помолчал и, пожав плечами, добавил:

– Кое-что из обещаний уже претворяется в жизнь. Не работает с утра телеграф, телефоны – я про междугородские связи. Известно: пути подорвали в нескольких десятках мест. Причем мне сообщили об одиннадцати разрушенных мостах. Реально их может быть гораздо больше. Если вспомнить, как идут наши железные дороги – с севера на юг две отдельные линии и компании на восточном и западном побережье, и только три связующие ветки, – он развел руками. – Центр страны и горы сейчас неизвестная земля.

Ляпин выругался тоном отчетливого восхищения.

– Остров разрезан на ближайшее время и проще добираться в объезд на корабле, чем по дорогам. Кроме того, это стало опасно. Ничего толком не известно о происходящем даже в предгорьях. Фактически армия контролирует только прибрежные города и в руководстве военного округа жуткая растерянность. Патра не стала на вытяжку, выполняя приказы, а открыто проявила норы.

– Это уже открытый мятеж! – довольно провозгласила Котова.

А ко всему прочему, подумала Фиона, я похоже ненароком угодила в гнездо заговорщиков. Глава Сталелитейной Корпорации не стесняется заявить при свидетелях о получении важнейших известий напрямую от вооруженных мятежников. Не может быть, чтобы не навел справки и не выяснил кто я такая. Совсем не боится? Борс тоже не опасался, а завод закрыли. Хорошо самого на свободе оставили.

– Он стал им с момента нападения на Крепость. Если ответные акции вроде последствий «Дна» с уничтожением карателей сейчас повторяют в нескольких местах... мда. У Лиги есть такая возможность. Боюсь и 1-я Городская больница и «Экстренная медицинская помощь» будет чрезвычайно востребованы в самое ближайшее время. Посему, – сказал с нажимом, – будем реалистами и займемся первоочередными делами. Все это начинание требуется расширить и по возможности заставить работать по определенным правилам. Да?

– Я понимаю ваши похвальные намерения, – сообщил Уилл, – но вы должны для начала признать важнейшую вещь. Отсутствие необходимого количества медицинского персонала. Машины приобрести легко. Надо иметь фельдшеров и врачей оказывать первую помощь на месте происшествий. Пока их нет, какой смысл расширяться?

– Правильное замечание, – одобрил Хоуп. – Начнем с замены фельдшеров военными санитарами. Пару десятков точно найдете в городе.

Почему мне эта простейшая мысль не пришла в голову? – с обидой подумала Фиона. С ранами они управляться наверняка научены получше молоденьких девиц.

– Кроме того у нас в Натмуке имеются два медицинских училища и возможность для молодых людей получить практику. С руководством я поговорю. Лишний плюс на экзаменах и приработок. Что я зря содержу оба на свои деньги? – он не хвастался, констатировал факт. – С врачами сложнее... Ладно. Меня интересует другая вещь. Вы работаете в центре и как распределяете границы ответственности?

– По полицейским участкам, – с недоумением ответила Фиона. – Зачем лишнее выдумывать? Карты прямо там и попросили. Кстати плохие. Даже в старых районах множество неточностей.

– Хорошо, я понял. Тогда простейший вопрос как вы собираетесь ездить по окраинам? Там и дорог фактически нет! Даже булыжные мостовые не везде. А уж самострой, – он развел руками.

– Пока до этого дойдет дело, – пробурчала Котова. – Там и телефонов десятков на всю округу и все на заводах.

– Но ведь можно использовать и запряженную лошадьми карету?

– Ну, да. Почему нет.

– Сразу снимается масса проблем с водителями и техническим обслуживанием, – победно завершил Хоуп.

– И появляются другие, – пробурчал Уилл. – Сейчас машины на ночь в гараже собирают. Одно помещение. И аренда невысокая. Они там не гадят навозом. Или под охраной полиции у участка оставляют. А лошадям потребуется конюшни. А стоят Ветровские машины не сильно дороже приличного коня. Нам же резвость требуется, а не плетущаяся кляча? Хороший рысак, как бы не дороже вышел.

– И все-таки вы проверьте, – приказным тоном заявил Хоуп, показывая на Фиону. – Расходы на тот и другой вид транспорта и содержание необходимо сверить и выяснить как выгоднее. Две упряжки я вам выделяю.

Мля, неприлично подумала та, старательно сохраняя невозмутимость, а то фабрикант не знает расходы на эксплуатацию грузовика, по сравнению с пролёткой? Хотя может и не в курсе. Речь то не о грузовике, а о фургоне. Совсем новый опыт. И знать всякие тонкости ему не обязательно. Одно дело личная пролетка и личный антамабиль, другое эксплуатация грузовика. Да и воспитательный процесс. Она предложила, пусть вертится. Промолчать с каменной рожой не вышло.

– А повозка? – возмутилась женщина. – А кучер?

– Сами найдете, – отрезал Хоуп. – Короче представите по истечении месяца подробный отчет с финансовыми затратами, сравнением вариантов и конкретными предложениями по улучшению деятельности и повышению качества. Вот тогда мы и поговорим серьезно. Пока судить рано. Намерения похвальные, обсуждать всерьез положительный момент преждевременно. А пока, – он сделал паузу и что-то мысленно прикинув, изрек, – думаю пять тысяч взноса с каждого члена комитета, никого не разорят.

– На месяц! – ахнул Ратников, – такие деньжища!

– Бедных не задерживаем, – пробурчал Ляпин, залезая во внутренний карман пиджака и извлекая чековую книжку.

– Одну минуту, – поднялся промолчавший все время молодой человек. На вид ему было возле тридцати и он молча сидел в углу развалившись на стуле. У Фионы создалось впечатление, что под общий гам прекрасно спит. Даже не шевелился.

– Костин, – представился, с поклоном в ее сторону, демонстрируя, что все это время бодрствовал и внимательно слушал.

– Папа ваш как? – ласково поинтересовался Ратников. – Выздоровливает?

Про отца Фиона была не в курсе, но фамилия опять не из тех мимо кого спокойно проходят. В мире существовало всего две фирмы выпускающие гирокомпасы и приборы, используемые для управления артиллерийским огнем военных кораблей. И только одна в Шиоле.

«Костин и Сын» владели целым комплексом предприятий для разработки и производства изделий точной механики в военных и гражданских нуждах. Один гирокомпас стоил до 200 тысяч «корон» и за эти деньги без проблем можно приобрести парочку приличных транспортных судов. Городская больница была построена на их пожертвования. Содержала ее уже Управа, но планировали и сооружали Костины.

– Мне хотелось бы уяснить, на что именно пойдут деньги, – игнорируя суетливого деятеля, сказал тот. – Я со своей стороны признаю начинание госпожи Хейс замечательным, однако не собираюсь тратиться на излечение шиольцев.

– Вот именно! – обрадовано возопил Ратников.

– Мы стремимся помочь городу и живущим в нем. Спасать чужаков не наша забота! Вообще-то у них армейские лекари имеются, – под общий шум закончил.

– Когда я приезжаю и слышу крик боли, – громко сказала Фиона, – мне абсолютно без разницы как человек молится, где он родился и какую профессию получил.

Люди замолчали и стали прислушиваться.

– Мне плевать, – продолжила она, – платит ли он налоги и в каком размере. Нарушил закон или всю жизнь мухи не обидел. Рябой он или кривой. Я вижу пострадавшего или тяжело больного. И в документы заглядываю с единственной целью – зафиксировать личные данные и при необходимости сообщить родственникам. Вы все, – она обвела сидевших взглядом, – хотите свободы и своего государства. Как скоро с таким отношением начнется дискриминация сельских жителей по отношению к городским, горцев в сравнении с равнинными жителями и кланов не с той внешностью? Вы знаете, куда ведет этот путь? Я точно скажу: не к процветанию. К вечной грызне между собой! Ваши свободные жители острова еще про королевские порядки непременно станут вспоминать с ностальгией.

Костин неожиданно поклонился.

– Вы правы. Мне не нравится подобное предположение и мнение о нашем будущем, но в ваших словах присутствует справедливость. Я не особо волнуюсь по поводу жителей севера или гор. Звучит нехорошо, зато честно. Мы всегда старались обустроить Натмук, забывая об остальном острове. Принцип должен быть один – права и обязанности одинаковы для всех. Поэтому на вызов требуется ехать. А вот везти шиольцев в городскую больницу – нет!

– Военных, – мягко сказала Котова. – У них есть свой госпиталь и пусть там поднимают на ноги. А жители города и приезжие вне зависимости от подданства имеют право на милосердие. Это честно госпожа Хейс?

– Да, – подумав, согласилась она.

Дверь распахнулась и в комнату ворвался Кормик.

– Возле Крепости мощный взрыв, – произнес он, тяжело дыша. – Ресторан «Золотой якорь». Большая бомба. Много пострадавших.

Ратников вскочил и кинулся наружу. Судя по поведению это было его заведение. Ойкать и хвататься за голову не стал. Сразу помчался целеустремленно выяснять подробности.

– Эй, – заорал Ляпин ему вслед, – за газом следить лучше надо.

– Там сегодня должно было состояться офицерское собрание 2-й кавалерийской дивизии, – негромко сообщила Ситникова. У меня закупали много пирожных. Юбилей какой-то.

– А отличившийся дважды 8-й драгунский полк как раз во второй дивизии числится, – пробормотал Костин. И страшно довольно сообщил, – боюсь это не газ!

– Мы едем, – для всеобщего сведения провозгласила Фиона.

– Конечно, – закивал Хоуп, одобрительно. – Занимайтесь делом. Между прочим, – услышала она уже на ходу, – идея нашего господина Ратникова о распространении взносов за медицинское обслуживание на все население города не так уж глупа. С каждого пол «кроны» и появятся серьезные суммы на 2-ю городскую больницу. Одной крайне недостаточно!

* * *

Она не успела выскочить наружу и направиться к страшным дымящимся развалинам, с провалившейся внутрь крыши, как дорогу загородил хорошо знакомый офицер. Он у мужа в отделе служил и частенько появлялся у них дома.

– Может вам не стоит ходить? – глядя куда-то под ноги, невразумительно спросил.

– В чем дело? – изумилась Фиона, – вы думаете, я в первый раз увижу кровь?

Метрах в пяти от них с визгом затормозила вторая машина с ее собственноручно изготовленной по трафарету надписью «Экстренная медицинская помощь» и она невольно поморщилась. Надо потом всенепременно сделать внушение мальчишке водителю. От таких

вещей колеса скоро менять придется, а денег она пока не видела и что там наreshают благодетели неизвестно. Требовать люди горазды. Помогать много меньше. Тем паче, если дохода не сулит.

Из разбитого проема, когда-то бывшего дверью солдаты вытащили непрерывно стонущего человека в остатках обгорелой формы. Еще несколько, не меньше десятка, уже лежали прямо на земле и постоянно оглядывающаяся на нее Беленькова в сопровождении Кормика двинулась к ним.

Со всей округи сбежались военные и помогали. Правда не все. Один совсем молоденький солдатик, то ли налюбовавшись вблизи, то ли впервые попав на подобное происшествие, стоял на коленях и метал из себя все содержимое желудка прямо на дорогу. Как отвратительно вблизи смотрятся обгорелые люди и насколько у них мало шансов выжить, она помнила еще по учебе.

Прохожие в гражданском задерживались редко. И сочувствия горожане по отношению к армейским офицерам не испытывали и недолго попасть под обвинения. Загребут в полицию или в тюрьму, доказывая потом, что случайно мимо проходил.

– Полковник, – все также, не глядя в глаза, пробормотал вконец засмущавшийся собеседник.

– Радан? – вздрогнув, спросила Фиона, – где? И двинулась по указанному направлению, обойдя капитана как неодушевленный предмет.

Муж обнаружился практически сразу метрах в пятнадцати. Он лежал на спине с двумя пулевыми ранениями в груди. Не требовалось проверять пульс, сразу видно – мертв. Лицо изумленно-недовольное. В руке знакомый пистолет.

– Что произошло?

– Он бежал на взрыв, а примчавшийся патруль с перепугу принял за лигиста. В Крепости они были в военной форме. Там начиналось со взрыва и здесь. Так они говорят.

– То есть его убили собственные подчиненные, – задумчиво сказала Фиона. – Не террористы, даже не в бою, по дурости.

– Ну, да, – с запинкой подтвердил капитан, – их обязательно отдадут под суд!

К ним подскочил Кормик и торопливо доложил:

– Нашли семерых погибших и шестьдесят два раненных. Четырнадцать в очень тяжелом состоянии. У нас нет столько перевязочного материала.

– Вы бы капитан лучше пригнали из Крепости транспорт, – железным голосом приказал Фиона. – Не на руках же нести! Надеюсь хватит полномочий?

– Так точно, – ответил тот, – ошарашено моргая. Ожидаемых рыданий не последовало.

– Всех в госпиталь, здесь ближе, чем в городскую больницу. И правильнее, – продолжала раздавать указания вдова, не собираясь падать в обморок. – Вряд ли там обрадуются офицерам.

– Так точно, – подтвердил капитан, собираясь уходить. В душе он почувствовал зависть и одновременно злость. Нет, конечно, предпочтительнее, когда твоя жена не теряется в самой страшной обстановке. Однако могла бы проявить и побольше чувств.

– Я не требую крайних мер для солдат, – сказала Фиона с нажимом, в очередной раз ставя его в тупик. Совсем не тех слов он мог ожидать. – Это не убийство – обычная глупость. Если кто и виноват в происшествии – так придумавший вводить военное положение. Не вздумайте устраивать суд без меня, а то я найду к кому обратиться. Свободны!

– А?

– После отправки раненных! Ему уже все равно. Подождет. И домой не надо. Вместе со всеми остальными.

Кормик рядом булькнул нечто невнятное. Похоже, до него дошло кто мертвый.

Она перестала обращать внимание на офицера, присела возле мужа, легко погладила по лицу, закрывая глаза. Достала из нагрудного кармана документы. С трудом разжала пальцы и вытащила ПВ, сунув его в карман.

– Нет бинтов, – поднимаясь, сердито сказала парню, – бери простыню или рубаху. На первый момент сойдет, а дальше пусть врачи в госпитале думают. Маленькие вы, что ли все? Соображать пора самостоятельно. Идем.

Интерлюдия

В ежедневной работе канцлеру помогали две со стороны малозаметные службы. Основного помощника и начальника канцелярии Камова знали все. Без него мало что происходило. Он постоянно держал под контролем события политики, назначения на высшие должности и неизменно присутствовал на заседаниях правительства.

Под его непосредственным началом трудились многочисленные советники по всевозможным вопросам. Экономика, финансы, юридические или социальная и внешняя политика. По любому пункту он в кратчайшие сроки мог представить исчерпывающую информацию.

Не столь заметным и многочисленным было второе ведомство. Личный секретарь Горд Рыбалков не особо светился на публике. Он занимался проблемами национальной обороны, связями с прессой, организовывал официальные визиты и персональные встречи канцлера, ведал протоколом. Тоже достаточно информированный и имеющий доступ к множеству секретов человек.

История попадания на столь значительную должность типична для своего времени. Тогда многие молодые люди стремительно вознеслись на командные высоты. Кое-кто сумел там задержаться и не за красивые глаза. Требовались такие личностные качества как острый ум, полемический дар, энергичность, самоуверенность, честолюбие, склонность к лидерству, готовность учиться. Слабые руководители частенько окружают себя никчемными исполнителями, опасаясь за власть. Сильные стремятся получить серьезных и полезных помощников.

Личное знакомство очень многое решает в подобных случаях. Правда не гарантирует карьеры. Приходилось постоянно доказывать свою полезность и умение учиться. Не все задержались наверху из первоначальных соратников.

Про Горда это не скажешь. Назвать его излишне честолюбивым сложно, он всегда находился на втором плане. В то же время выкинуть его из обоймы никто не пытался. Как-то умудрялся находиться в достаточно дружеских отношениях практически со всеми, не стесняясь иногда и пошутить, не слишком заботясь о самолюбии.

В молодости он был журналистом, не слишком известным, однако с бойким пером и судя по текстам далеко не глупым. Вы еще убедитесь, что словом он владел блестяще, был наблюдательным и нередко одной фразой способен припечатать навечно.

Юмор его едкий и не всегда приятный, благо большинство упомянутых персонажей к моменту первого издания мемуаров уже скончались. Подавать в суд никто не стал. А вернее, можно с уверенностью сказать, что упомянутые факты реальные. Многие вещи во внутренних отношениях нескольких правительств достаточно любопытны не только для читателя, но и историка. Описание первых дней после восстания и происходящего в Логлине чуть ли не единственное в своем роде.

Временами он был безжалостен не только к своим персонажам, но и к себе. Редчайший случай для подобного рода литературы.

Предисловие к книге Рыбалкова «Тридцать лет среди революционеров и реакционеров»

Глава 3. Новая власть. 2700 г

По мощным булыжником улицам мимо двухэтажных особнячков неторопливо двигался невысокий полненький мужчина в кепке и костюме на манер мотоциклиста. Кожаная куртка, брюки из грубой ткани. При этом вся одежда понимающему демонстрировала неплохие доходы. Ботинки известнейшей шиольской фирмы Торвайна, а качество сукна не для мастеровых.

Через плечо у него висела большая сумка, а голова так и крутилась во все стороны. Чуть ли не к каждому встречному он обязательно цеплялся и начинал задавать вопросы. Так, обнаружив висящего на перекрестке на фонаре человека, попытался выяснить кто и когда, а особенно важно за что его казнил.

– Из полиции концессии Марвина, – моментально ответила девушка из соседнего дома, выглянувшая зачем то на улицу. – Неприятно, ага, но парни с шахт его хорошо знали, тот еще гад был. Попался, вот и повис, – совершенно равнодушно сообщила.

– И часто такое случается?

– Не, – отмахнулась уверенно, – всего два случая на Логлин. Был еще один скот, но не нашли. А искали на совесть. Очень уж желали вздернуть за компанию. У нас их вся округа знала. За дело свое получили и когда еще порядок не навели.

– А как насчет третьего переулка отсюда? Я расстрелянных видел.

– Вот это и есть порядок, – без тени сомнения заверила девушка, – полиция разбежалась и кое-кто в чужие магазины и дома лезть наладился. Вот Лига и ввела патрули. Пойманных на грабежах на месте стреляют. И правильно делает. Так что упаси вас Бог, на чужое зариться.

– Анна, – позвал женский голос из-за забора, – домой!

Девушка недовольно вздохнула, но возражать не стала, оставив мужчину одного.

Мне почудилось или она и себя имела в виду, помяная чужое? – подумал тот, двинувшись дальше. Тронешь женское... хм... плечико, она заорет и тут же появятся добрые молодцы с огнестрельными штучками. Влепят в затылок пулю, плюнут брезгливо и дальше двинутся.

Что примчатся достаточно быстро, он не сомневался. Уже дважды за очень короткий срок видел. Обычно втроем с карабинами. Один в форме, двое в гражданском. Оба раза показали дорогу и при этом не забыли поинтересоваться документами. Любопытно, что издали можно и спутать с солдатами. Цвет формы не тот, перекрашено явно в домашних условиях и широкое раздолье оттенков, отсутствуют погоны. Вместо них на предплечье хорошо знакомые знаки различия. И еще эмблема. Красный треугольник и внутри черно-белые клетки. Это правильно задумано. Не стрелять же в своих. А пошить оригинальные костюмчики явно не успели.

От железнодорожных путей его сразу завернули. Все равно успел полюбоваться на поразительное зрелище. Все пути и запасные ветки забиты вагонами. Эшелоны собраны из самых разных по форме и назначению вагонов. Пустые и груженные, с лошадьми, людьми и непонятными вещами. Впечатление, что целые поселки тронулись из обжитых мест переселяться и все имущество с собой прихватили. И распоряжаются всем железнодорожники в форме. Это при том что дорога всегда была в частном владении. Видимо после станции «Дно» указания и приказы владельцев для паровозных бригад и деповских ничего не значат.

Близко не подойдешь, часовые не пропускают посторонних. А надписи мелом на дверях издали не разобрать и спрашивать во избежание не хочется. Смотрят все подряд с подозрением. Достаточно неприятное ощущение, когда вот так на тебя глядят. Не местный – уже подозрительно, а что они имеют в виду под порядком, при полном отсутствии закона, еще тот вопрос. Руки он при себе держит, ага.

Он припомнил полученные ранее указания и свернул направо. Через квартал попал на гораздо более широкую улицу. Практически проспект. Это уже почти в центре. Прямо под ногами валялась изломанная табличка с названием улицы «Король Магур третий». Ее, похоже, специально отодрали и после этого старательно топтали ногами. Прямо на стене дома черной краской написали улица Свободы.

Скорее всего и остальные Магуры пострадали от народного гнева. Да и не только они. В любом городе две-три улицы стандартно-верноподобно назывались соответствующими именами. Короли или полководцы неизменно присутствовали в центре любого поселка или города. А здесь восстание. Пришло время бороться с врагами. Ничего странного. В смутные времена обязательно убивают и ломают. Удивительно, но крайне мало заметных вмешательств в обычную жизнь. Все заняты делом, магазины работают. Школа тоже. Праздношатающихся не особо много.

– Пирог горячий, кому надо пирогов?! – завопил рядом мужик, так что невольно вздрогнул. – Через плечо у того висел ящик на кожаном ремне.

– Почему?

– Три сантима за штуку! Сам бы ел, да деньги нужны!

– Дорого.

– По нынешним временам-то? Я честный торговец из специальной пекарни. С мясом, с картошкой и грибами. А хотите с капустой. Все свежее и замечательное.

– Ну давай, каждого вида по два.

– И не сомневайтесь, – накладывая в пакет, – говорил разносчик, – Лунев человек известный. Не выжигает. А то развелось нелегалов без лицензии. Покупают за три сантима селедку, режут ее на пятнадцать частей, вот и прибыль. А выпивка вообще самогон неочищенный. Вроде человек не свинья, все слопает. После стопки все заглотит.

– А у тебя имеется казенка?

– Слинг не акцизный, но самый лучший. Заводского производства. Желаете?

– Это как, – согласно кивая и принимая бутылку из мешка за плечами спросил прохожий, – заводская, но не с акцизом – ворованная?

– Да не в жисть! Красть – это у нас строго. За неимением тюрем новая власть того, в распыл. А вот с нелегальной торговлей вразнос не борются. Неправильно! Сами ж потом про налоги вспомнят, да поздно.

– Так насчет слинга, – повторил покупатель, расплачиваясь. Судя по сдаче действительно без лишней наценки, но при этом далеко не бесплатно. А этикетка забавная. «Застольная». И рожки соответствующие за накрытым столом. Не поленились же – напечатали оригинальную.

– Специальный выпуск, – пояснил разносчик, – еще есть можно «Пшеничную» И «Хлебную». Качество я вам скажу, – он поцеловал сложенные щепоткой пальцы.

– А «Патранской» или «Свободной» не имеется?

– Не слышал, – ответил мужик озадачено. – Могу выяснить.

– Ну если будет, непременно прикуплю. Люблю оригинальные вещи.

– Вы б не ходили туда, господин хороший, – сказал уже в спину.

– Почему? – обернувшись, спросил.

– Так там штаб Лиги. Мало ли. Вы ж не наш.

– А так заметно? Одежда?

– И она. И акцент не здешний. Да и вообще. Городок у нас маленький, сейчас много новых появилось, но вы не из патранов будете. Оно ж видно. Неизвестно как посмотрят.

– Спасибо, только в штаб Лиги мне и надо.

– Ваше дело господин, я предупредил. И тут же привычно завопил про горячие пирожки.

Чем ближе к земской Управе, тем чаще попадались люди, спешащие с деловым видом. Шли в обе стороны и постоянно встречались вооруженные.

У крыльца трехэтажного, построенного в толботском стиле с колоннами, собралась небольшая толпа. Кто внимательно изучал вывешенные на специальном стенде листовки, кто обсуждал свои дела. Он приостановился и прислушался.

– А что с готовой продукцией делать? – спрашивал плохо одетый тип в рабочей спецовке у товарища. В отличие от него тот имел на поясе хорошо знакомую кобуру БВ. Вид такой, не ошибешься. – Может того, спалить? Чтоб никому не досталось.

– Я тебе пожгу, – показывая кулак, ответил тот, – есть приказ, вывозить. В ящики все положи.

– А транспорт-то? Дай мне хотя бы пленных таскать.

Ого, отметил прохожий, их столько, что используют в качестве грузчиков. Видать гарнизон погромили. Интересные дела творятся.

– Чего уставился? – резко спросил вооруженный. – Чего ухи развесил? Ты кто такой? При этом он расстегнул кобуру.

– Я Бартон Коркоран. Журналист.

– Еленев! – крикнул тот, держа руку на рукоятке пистолета и внимательно наблюдая за попыткой достать документы. Соседи тоже обернулись и с любопытством уставились на происходящее.

– Да! – появился тут же еще один в гражданской тужурке с карабином.

– Возьмешь вот этого, – приказал, – отведешь к коменданту. Пусть разберутся, что за птица прилетела в гости. Развелось тут шиольцев.

– Пойдем што ли, – сказал парень, передергивая затвор и недвусмысленно направляя ствол в грудь. – Поворачиваешься и спокойно двигаешь вперед.

– Я просто хотел показать бумаги.

– Там и покажешь.

Судя по обстановке (люстры, мрамор и картины) внутри на лестнице всенепременно должен был обнаружиться роскошный ковер. Он отсутствовал и очень удачно. Множество ног в сапогах и тяжелых ботинках обязательно бы затоптали, а посетители попутно еще и заплевали, засыпав дополнительно табачным пеплом.

Вместо чинно шествующих клерков и чисто вымытых пепельниц по углам торчали большие жестяные консервные банки, переполненные окурками. А по коридорам в бешеном темпе носились люди, не обращая внимания на сидящих прямо на полу и даже на спящего в углу на стульях человека. Когда-то натертый паркет потускнел и плохо смотрелся.

– Господин Коркоран? – удивленно спросил очередной бегущий, резко затормозив. – Куда это вас?

– К коменданту, – почувствовав изрядное облегчение, ответил тот.

Ситуация всерьез напрягала. Не привык он к подобному обращению, а как себя поведет неведомый тип неизвестно. Конечно он никого не грабил, но кто его знает, эту революционную законность. Расстреляют, а потом оправдывайся. Документы для мятежников очень подозрительные.

– Сейчас разберемся, – пообещал Хабре Саис, круто развернулся и двинулся в обратную сторону.

Коркоран невольно почувствовал зависть. С чего это иностранец здесь себя ведет как большой начальник? Он то надеялся оказаться первым и имел все основания питать вескую надежду. А такой неприятный сюрприз.

Охранник подумал, озадаченно глядя умчавшемуся корреспонденту газеты «Новости Карунаса» вслед и приказал встать у стенки. То ли знал его, то ли они притопали уже. Дверь таблички не имела и была прочна заперта.

Еленин тяжело вздохнул, достал кисет и, высунув от старательности язык, принялся сворачивать сигарку. При этом использовал не обрывок газеты, а нормальную специальную бумагу. Бартон подумал и извлек из кармана портсигар, предложив. Тот отмахнулся. Сигареты его не устраивали, легкие. Они дружно задымили, благо и так воздух синий.

Мимо проследовал какой-то нервный худой тип. В сопровождении сразу двух людей в пиджаках чиновничьего типа. На ходу он им выговаривал:

– Почему до сих пор столовую для сотрудников не организовали?

На нечленораздельное ответное мычание отмахнулся небрежно. – Срочно займитесь! Пусть без разносолов, но чтобы люди сытые были. Каша, макароны, зелень какую. Селедка. А где хотите, там и берите, донеслось уже издали, – на склад к Марвину отправьте кого за продуктами. Или домой. Пусть раскошеляется. Исполняйте!

– Во дает, – сказал Бартон с восхищением, – отбирать у хозяина.

«Реймон и Марвин» владели фактически всей округой и связываться с миллионщиками не стал бы ни один храбрец без серьезных оснований. А тут практически открытым текстом разрешают отнимать имущество. Революция!

– С него не убудет, – подтвердил мысль конвоир. – Достаточно рабочую кровушку сосал, пора поделиться. И потом шиолец.

А значит можно выворачивать карманы, понял журналист, жалея о невозможности срочно записать высказывание. Ничего и так запомнит.

Махорочная вонь неожиданно перебилась тонким запахом духов. Мимо проследовала барышня, за которой очередной парень в комбинезоне с натугой пронес пищевую машинку. Охранник уставился им в след в глубокой задумчивости. Явно мысленно хотел очутиться на его месте. Барышня была молоденькая и прехорошенькая. При этом в брюках, смотрящихся очень интересно.

– Ты Кокоран? – спросил очередной вояка в гражданском и пистолетом на поясе. Тут он душераздирающе зевнул, деликатно прикрывая лот ладонью, – извините, – произнес смутившись. – Третьи сутки толком не высыпаюсь.

Бартон вручил свои бумажки, гадая куда подевался представитель «Новостей Карунаса». Не забыл про него и это прекрасно, раз прислал человека, но мог бы и сам подойти. Другими они безусловно не были, обычные знакомые, но все-таки воспитанные люди так себя не ведут. Да и не привык он к такому отношению. Обычно все ужасно предупредительны.

* * *

– Ага, – изучая паспорт и письмо из редакции «Баллинских известий», – глубокомысленно заявил поверяющий и снова зевнул, рискуя вывихнуть челюсть. – Ясно. Еленев? – спросил, обращаясь к конвоиру.

– Ага.

– Спасибо, все нормально.

– Шиолец, – с глубоким сомнением, прокомментировал тот.

– А, – дальше прозвучало нецензурно.

– Понял, – согласился тот и двинулся в сторону выхода.

– То есть само мое происхождение по определению является подозрительным? – с глубоким сарказмом поинтересовался Бартон.

– А разве в королевстве патран считается лояльным? Тем же концом обратно, – спокойно пояснил собеседник. – Меня, – протягивая руку, – зовут Горд Рыбалков.

– Даже так! Горд!

– Родители слегка были повернуты на национализме. А отец вообще считает имя определяющим. Как корабль назовут, так он и поплывет. Пойдемте.

– И как? – уже в маленьком кабинете, где присутствовало два стула и стол с остатками немудреной еды, поинтересовался Бартон, – имя в жизни помогает?

Таблички на этой комнате тоже не имелось. Точнее была, но явно не с должностью нынешнего хозяина: «Заместитель Управы по административной части г. Фостунов». У новой власти пока руки не дошли до привинчивания новых. Не первоочередная задача.

– Так сравнивать не с чем, будь у меня брат-близнец другое дело.

Сраженный логикой журналист не нашелся с ответом. Шутка не удалась.

– А в принципе многие верят. Детям имена меняют, но я думаю чистое суеверие. Вон Шаманов утверждает, что ломать судьбу можно, но не так просто. Ты ж будущего знать не можешь.

– И как тогда?

– А как мы делаем, – без улыбки произнес Рыбалков, – двигаясь поперек течения. В ответ на попытку помешать жить нормально. Вдоль легче, но не интересно.

– Ты знаком с руководителем Национальной Лиги лично?

– Да уж, – пробурчал тот, – пришлось пообщаться. В тюрьме. Стоп! – сказал, поднимая руку, на азартное движение, – интервью потом. Сначала я представлюсь еще раз. Я нечто вроде пресс-атташе Народной Армии. Любые журналисты без моего разрешения ничего не получат и не выяснят, разве наличие подвала у нашего коменданта.

– И много таких?

– Было трое, не считая собственных корреспондентов от «Правды». Саис и двое местных из города. Кстати, как ты сюда попал?

– На самолете прилетел, – и довольно глядя на удивленное лицо, добавил, – Бриана Шиннон привезла.

– И где она села?

– Третья заводская улица, там пустырь. Мне бы не хотелось, чтобы у нее были неприятности.

– С какой стати? – удивился Рыбалков. – Заправим, накормим. Это даже любопытно. Восемьдесят лиг перелет.

– Добрых полторы сотни будет. Почти из Утнока летели без посадок. Можно считать рекорд.

– Я сейчас, – поднимаясь, пообещал Рыбалков, – только распоряжусь.

Бартон еще раз огляделся, пожал плечами. Ничего интересного. Секретных документов под ногами не валяется и вряд ли они здесь возможны. Судя по обстановке в Управе пока еще приличной администрации не существует. Нормально. Самый интерес посмотреть что из всего этого выйдет. Кое-что уже понятно. Достаточно корректно себя ведут. Естественно в меру. Не озабочиваясь писанными законами, но не переступая неписанных. Любопытно.

Извлек из сумки пакет с пирожками и выложил его на стол. Поставил туда же бутылку и, поискав в сумке, вытащил металлический стаканчик. Не разобьется и мыть удобно в дороге. Он привык пользоваться своим в подобных случаях. Мало ли кто из сосуда пил. В молодости попутешествовал и насмотрелся. Целые деревни случалось сифилисом или еще чем, вроде трахомы болели. Совершенно не хочется подцепить заразу, даром что сифилис научились недавно лечить.

Дверь отворилась и вошел высокий человек с широкими плечами и хорошо знакомым лицом. Уж фотографий Шаманова Бартон навидался. Все та же полувоенная одежда, когда на гимнастерке отсутствуют погоны и сверху наброшена куртка, обычно используемая механиками. Правда чистая. Зато пистолет присутствует.

Тот плюхнулся на стул Рыбалкова и, не чинясь, вытащил из пакета пирожок, принявшись его с аппетитом жевать. Пошарил в ящике стола, извлекая оттуда ожидаемо не слишком чистый граненый стакан. Самолично налил. Они чокнулись и выпили.

– Представляться не требуется? Все равно, – он приподнялся и отдал честь, – будем последовательны. Главнокомандующий Народной Армией Шаманов. Горда я отправил спать, – шлепаясь снова на сиденье, забирая второй пирожок и откусывая кусок, поведаль Стен. – К самолету послали людей с едой и для охраны. Собираешься назад?

– А я обязан?

– Почему? Вольному воля. Если не для одной единственной сенсации, «побывал в логове врага», а с познавательными целями – можно оставаться сколько угодно. Бумагу, чтоб не трогали и не придирались, выдам. При одном условии.

– И каком?

– Очень простом. В статьях не должно быть упоминаний имен, кроме и так всем известных людей. У многих там, – он показал куда-то неопределенно в сторону, имея в виду побережье, – остались родственники и знакомые. Им нет нужды сообщать о себе данные полиции или королевской армии. Надеюсь это понятно.

– Я Бартон Коркоран, – надменно сообщил журналист, – и не имею привычки плохо формулировать мысли или сдавать свои источники.

– И вообще желательно думать что пишешь, – невозмутимо произнес Шаманов, – в поселке стоит рота с двумя пулеметами, для статьи не требуется. А вот для противника сведения занимательные.

Бартон обиженно фыркнул.

– В таком случае просто ласково попросим покинуть наше расположение навсегда. В остальном ничем не ограничиваем. Ходи куда хочешь, говори с кем желаешь. Если пошлют во Мрак или за излишнюю настойчивость пинком наградят, нечего на начальство кивать и строить предположения о приказах третировать свободную прессу. Мне плевать, что в статьях, пока там не присутствуют вещи ранее сказанные.

– Даже если отзывы будут не вполне положительные?

– Хоть отрицательные, – совершенно равнодушно заверил Шаманов, разливая по второй. – Только без вранья. А отношение мне сугубо безразлично. Всем рты не закроешь, а даже плохая реклама тоже лишнее упоминание и действует иногда в противоположном смысле.

– Ты, в самом деле, думаешь так? – подобравшись, спросил Бартон.

– Критика полезна – это я не для производства хорошего впечатления говорю. Наличие оппозиции всегда положительно влияет. Правительство вынуждено думать, прежде чем что-то совершить. Я всегда готов принять ответственность за ошибки. Я не догматик, верящий исключительно в одну идею и не смеющий от нее отступить в любых обстоятельствах. Политик просто обязан быть гибким и в критических случаях идти на компромисс. Закостеневшие в своей правоте рано или поздно приходят к краху. Наиболее гибкий элемент постепенно становится контролирующим в системе. Это я как инженер по диплому говорю.

– Что-то я не встречал довольных политиков, после того как их ткнули мордой в дерьмо.

– Разве я сказал мне нравится ходить политым помоями? Я очень четко выразился: критика полезна. А не приятна. Оставим это. Ты собирался переправлять статьи через Бриану?

– Ну, как запасной вариант. Часто летать неизвестно насколько долго получится. В основном на телеграф рассчитывал.

– ТТК не работает и в ближайшее время не начнет. Как в городе, так и на железнодорожной станции и в округе. Сделано специально. Междугороднего сообщения еще долго

не будет. Могу предложить передачи по радио текстов любой длины. Укажешь адресата на Патре, в ближайшее время ему доставят.

– Цензура? – поморщившись, недовольно спросил Бартон.

– Я уже указал какую и повторяться не собираюсь. Имена вычеркнут. Не устраивает, рискуй самостоятельно с отправкой.

– А насколько стабильно возможно переслать?

– Не хуже телеграфа. И точно дешевле. Но это твое дело. Я предложил. Захочешь – отдашь для отправки Рыбалкову.

А я отдам, решил Бартон и одновременно отправлю с самолетом. Интересно сравнить потом текст. Точно передадут или нет. Приложу соответствующую записку к посланию для редакции.

– Пирожков больше нет? Вкусные.

– На улице приобрел у, – он, вспоминая, напрягся, – разносчика Лунева.

– Это хорошо, – пробурчал Шаманов, – а то пока столовую организуют...

– У главнокомандующего отсутствует питание?

– У меня не хватает самых обычных административных работников. Если ты не в курсе, пошли третьи сутки от начала официально провозглашенного восстания. Пока не будет все максимально утрясено и налажено, пока не появятся органы власти, а не временные меры, останется куча проблем. Любое правительство не способно совершать действия плохие или хорошие без наличия чиновников. К великому сожалению.

– Причем плохие бюрократы способны любую самую замечательную инициативу и прекрасный закон уничтожить на корню.

– Абсолютно справедливо. Но и без них невозможно. Приходится искать баланс. С клерка какой спрос? А на меня и мои решения смотрят все. И норовят высказаться, коли что не по ихнему. Пока отсутствуют четкие правовые нормы, приходится рассчитывать на людей. Достаточно ответственное дело назначение на высокую должность. Каждый человек сугубо индивидуален. Кое-кто случается излишне увлекается или злоупотребляет полученной властью. Это, к сожалению, неизбежно. Важно суметь принять меры своевременно и убрать излишне «умного». Для этого и существуют критики с прессой. Я не могу разорваться и контролировать все и вся.

– Фактически ты создаешь администрацию, как ядро будущей государственности?

– Мы создаем, – подчеркнуто поправил Шаманов. – Между прочим, – сказал очень спокойно, – мне бы не хотелось серьезных искажений своих слов. Если уж началось интервью, можно записывать.

Он подождал появления блокнота и продолжил:

– В одиночку такую ношу не унести. Для желающих служить обществу появилось замечательная возможность реализовать свои идеи и устремления. Доказать полезность народу. Другого пути у нас нет. Если уж начали, придется идти до конца.

– До сих пор ты был достаточно осторожен в высказываниях и действиях. Что изменилось?

– Военное положение и его последствия наглядно доказали отсутствие на шиольской стороне малейшего движения к компромиссам. Лига пыталась улучшить жизнь народа. Ответ армии достаточно красноречив. На кровь отвечают кровью. Слова уже не помогут.

– Но восстание тоже не путь!

– Да? Сидение в тюрьме без предъявления обвинений, расстрелы без суда, убийства безоружных по-вашему поиск общей политической платформы?

Он уже переходит на ваши, нехорошо, но интересно. Не так уж спокоен.

– Король пошел путем ненависти...

– Но это не он отдает приказы!

– Насколько мне помнится, – холодно сказал Шаманов, – он имеет право отправить любое правительство в отставку. Военное положение без него ввести тоже нельзя. Но мне отказали в достаточно невысоких просьбах по поводу изменения финансирования и получения кое-каких прав для граждан протектората вполне официальные лица.

Публично никто такого не сообщал раньше, с твердой уверенностью вспомнил журналист. Надо потом выяснить подробности.

– Ожидать изменения отношения к происходящим процессам, сидя в камере удивительная наивность. Я несколько вырос из детского возраста и жизнь повидал. Здесь абсолютный тупик наметился. Я старался двигаться постепенно, – после длительной паузы сказал, – медленно, не раздражая Баллин. Имея целью равноправие всех граждан королевства. Видимо за свои идеи придется воевать. У меня нет претензий или ненависти к любому народу королевства, но попытка добиться мирного развития полностью провалилась. Это потребует намного большего напряжения сил, огромных затрат, неминуемо отразящихся на благосостоянии простых людей и множества смертей.

Это удачный пассаж, подумал Бартон. Вот так мимоходом перевалить вину за проблемы в экономике на других. И в принципе возразить нечего. Он прав. Слишком долго у нас считали патранов за никчемных, будто две трети промышленности не ими создано. Последняя четверть века очень изменила расстановку сил в королевстве. Буржуазия вышла вперед и она требует свою долю власти. А король с правительством живет старыми представлениями. При наличии огромнейшей дыры в бюджете Казначейства ввязываться в серьезные битвы смерти подобно. Ладно. Это потом. Для того и прибыл, чтобы разобраться насколько серьезно восстание и как далеко Лига сможет зайти.

– И как скоро ты надеешься... хм... победить?

– Я сейчас не в той ситуации, чтобы планировать на дальнюю перспективу. Слишком много свалилось сразу и приходится разгребать многочисленные проблемы.

Не хочет про свои планы говорить. Ничего удивительного. Зайдем с другой стороны.

– А уточнить какие именно?

– Железнодорожное сообщение перестало работать.

– По вашей вине!

– Глупо было бы позволить нас навестить армии прямо в эшелонах. Но я хотел указать, что здесь шахтерский район. Продовольствие в основном привозное. Приходится налаживать снабжение, транспорт и прочее, необходимое для нормальной жизни. Проще всего прислать сотню вооруженных человек и занять учреждения. Гораздо сложнее обеспечить их дальнейшую бесперебойную работу, чтобы для обывателя ничего серьезно не изменилось. Иначе он будет крайне недоволен. Отсутствие продуктов и освещения, а также рост грабежей плохо влияют на настроения общества. Мы не для того власть берем, чтобы ухудшать ситуацию.

А вот королевская армия этого понять не захотела, подумал Бартон. В результате все настроены против ее действий, уверенные, что один вред получат.

– Конечно, пока не все замечательно, однако сделано за кратчайший срок достаточно много. А с опытом и улучшение наступит.

– Сюда придут войска, как можно говорить об этом?

– Обязательно заявятся и очень скоро. Вчера кавалерийский эскадрон в десятке лиг отсюда напал на деревню. Шесть человек убили, да в придачу пожгли дома. После этого мы получили еще сотню добровольцев.

– Вот так просто, без причины напали?

– Явная проба сил. Проверяют на прочность. На самом деле только озлобляют население подобными выходками. Но, похоже, «Дно» армию ничему не научило. Мы готовимся.

Кроме хозяйственной жизни мы налаживаем и военные структуры. А все ценное вывозим в горы.

Сказано достаточно откровенно. Удержаться в Логлине он не рассчитывает, понял журналист. Тем более если мне действительно позволят ходить куда угодно, подготовку не скроешь. И железная дорога продолжает работать в ту сторону. Не на телегах же везут. А вот интересно, что именно. Оборудование? Какое? Надо выяснить.

– Тебя не пугает прямой военный конфликт?

– Хочу напомнить, что на Фадзийской войне я был офицером и не в тылу. А мои ближайшие помощники ветераны. Многие с наградами за храбрость. Бояться стоит не нам.

– Не бывает людей без страха.

– На самом деле случаются, хотя это не вполне нормальное явление. У человека что-то с психикой. Но я честно не задумываюсь об этом. Я вынужден живу сегодняшним днем, особо не заглядывая в даль и не задумываясь, сколько еще мне отпущено дней Богом. Ну в самом деле, все так живут! Бесконечно думать о скором приходе смерти тоже психическое расстройство, хотя и другого толка. Каждый надеется в глубине души, что его пронесет. Лично он выживет. На встречу с Верховным Судией торопиться желающих мало. Он придет ко всем рано или поздно без спроса. Так что жить лучше с мечтой, а не в депрессии.

– И у тебя есть конкретные планы на послевоенное время? Допустим вы добились своего. Что дальше.

– Говорить об этом несколько преждевременно, но должен напомнить, что патраны платят почти вдвое больше всевозможных налогов в сравнении с другими жителями королевства. И куда уходят эти деньги? Очень часто даже не в карман Казначейства. На содержание аппарата губернатора и он при этом распределяет доходы. К примеру, здешняя концессия была сдана компании «Реймон и Марвин» на 99 лет по цене 3 сантима за квадратный метр. Даром.

Как пирожок, вспомнил журналист. Забавное сопоставление. Потом использую.

– Тем интереснее, что к примеру, за участок на котором построена Управа, та самая где мы сидим и беседуем, они получили от городских властей четырнадцать тысяч. А сколько заработали на угле, никто не ведает. Здешний камешек лучшего сорта. Отличная плотность, чистота сгорания, для топок паровозов и кораблей используется с огромным удовольствием. И расположен очень близко к поверхности. Затраты на добычу мизерные. Золотое дно. Но им все мало было. Даже на жалование шахтерам хозяева стремились нажиться, обирая трудяг. Как следствие ненависть к конкретным людям переносится почти автоматически на всех шишольцев подряд. Вот после победы, – поднимаясь, сказал Шаманов, – подобные договора в обязательном порядке будут пересмотрены. Это я обещаю. Закон один для всех. Исключений не будет ни для кого.

– Равноправие?

– Правовое. Исключения не предусмотрены. Крестьянин или рабочий, моряк или миллионер – для закона разницы не должно существовать. Каждый гражданин государства, платящий налоги будет иметь право голоса на выборах независимо от пола, религии, возраста и профессии.

Ай какой изумительный выпад, порадовался Бартон. Особенно про женщин. Если обещание исполнится, большинство все равно с кухни не выйдет, зато активные наверняка проголосуют за его Лигу. Еще и на вид не урод, а вполне симпатичный мужчина. Вот это я любой ценой пробью для газеты. Молодец Бартон! Не зря прилетел рискуя. Сенсация будет и не одна. А прямой доступ к Шаманову дорого стоит.

– Зайдешь в двадцать третий кабинет к Камову, получишь бумагу-«вездеход», чтоб не цеплялись. Все текущие вопросы к Рыбалкову.

– Вы с ним действительно вместе в тюрьме сидели?

– В одной камере, хотя и не долго. Но это к нему. На сегодня интервью закончено. Дела, будь они неладны.

Он вышел, закрыв дверь.

Бартон налил себе из бутылки и выпил, мысленно поздравив себя. Начало неплохое. Передачи по радио? Почему не попробовать. Заодно проверить насколько далеко распространяется благодушие при описании не слишком приятных подробностей. А они будут. Нет и никогда не будет всем довольных людей. Административного опыта у лигистов не слишком много. Местные чиновники нуждаются в контроле все это ясно без объяснений. Все на содержании у концессии, а ей доверия у новой власти нет.

Саис мне не соперник. Иностранец. Для другой публики пишет. Надо его найти и поблагодарить. Выручил. Может и так бы проскочило, но нервы не лишние. Спасибо человеку не мешает сказать. Да и побеседовать о происходящем и людях не мешает. Я для него тоже не конкурент. Договоримся.

Врать он естественно не будет, опишет все правдиво. Почему нет? Репутация много стоит. Пачкать ее себе дороже. Конечно, нет на свете людей непредвзятых. От предшествующей жизни зависит, от воспитания, окружения. Иные взгляды так просто не вытравить даже сознательно. Комплекс старшего брата. «Патраны нуждаются в присмотре и отеческой руке». Очень похоже сами они так вовсе не думают. Для журналиста самое время и место. Если справятся – честь им и хвала. Нет, вернуться под монаршью руку всегда легко.

Все дело в одном – сколько крови прольется. В Империи до сих пор бывшие провинции оружием бьются и поносят друг друга в газетах. Нам от этого лучше, одним соперником меньше. Вот только как бы сами не стали такой развалившейся и истекающей кровью страной.

Ладно. Посмотрим. Если это настолько серьезно, мой голос лишним не будет. И после развода можно сохранить достаточно приличные отношения. Главное не побить слишком много посуды в ссоре.

Интерлюдия

В каком-то смысле это была гражданская война. Бои шли не между двумя враждебными государствами и нациями, а между очень схожими по образу жизни и мышлению, говорящими практически на одном языке и несколько столетий прожившими в едином государстве людьми.

Даже военный опыт они получили нередко вместе на фадзийских фронтах. Выводы при этом сделали абсолютно разные. Вероятно, тем кто специально обучался военному делу было крайне неприятно осознать, что их собственные бывшие подчиненные оказались способнее их. Как выяснилось ранее, а до кое-кого так и не дошло, строевым шагом войны не выиграешь.

Верно и то, что королевская армия к этому моменту находилась не в лучшем состоянии. С окончания войны прошел немалый срок. Множество ветеранов было отчислено по демобилизации. Ассигнования выделялись в недостаточном размере. При этом Верховное командование королевства, основываясь на полученном опыте, приступило к реформам в армии, вводя всеобщий призыв и упустив перевооружение из-за тяжелого финансового положения государства и недостаточного ассигнования.

Подробно останавливаться на этих событиях не время и не место. Некоторые вещи будут освещены ниже. В целом уровень вооруженных сил заметно упал в сравнении с прошедшими годами. Новый набор, новые штаты пехотных частей.

Пока что надо признать, Лига, а скорее ее руководитель С. Шаманов, сыграла не по ожидаемым шиольскими военными правилами. Переходить к позиционной войне при неравенстве сил было для патранов смерти подобно. Вечно сидеть в окопах тупик, ведущий к огромным потерям, затянутому времени и борьбе материальных баз противников. По каждому из данных параметров мятежная Национальная Лига неминуемо терпела поражение.

Поэтому она перешла к достаточно рискованной, но давшей результат тактике. Всякая война, в сущности, маневренна, если командование желает победы. Учитывая горный характер местности, покрытой довольно густыми лесами, где первоначально велись бои, шансов у неповоротливых армейских колонн не имелось.

«Революция на Патре». В. Ожогов.

Глава 4. Наступление с неожиданными последствиями. 2700 г

Логлин встретил их пустыми улицами и угрюмыми закрытыми окнами. В каком-то смысле даже к лучшему, отметил про себя лейтенант Клиннор. На ближайшее время неприятности закончились. В результате первого в своей жизни не тренировочного, а боевого похода он твердо усвоил несколько вещей.

Во-первых, их ненавидит вся округа. В принципе ничего особо нового в этом не имелось, но мало приятного ощущать на себе неприязненные взгляды и спрашивать дорогу, будучи заранее уверенным – обязательно соврут. Приличных карт соответствующего масштаба в штабе округа не оказалась. Приходилось пользоваться выданной из географического атласа. Идиотизм.

Следовать по дорогам тоже оказалось не слишком удобно. До сих пор все обстрелы и мины случались исключительно там. Приятного в этом было мало, особенно если учесть любовь снайперов к офицерам. Из восемнадцати раненых и семерых погибших в его батальоне пятеро убитых принадлежали к офицерскому составу. В результате он за три дня вырос с командира взвода до роты и очень опасался, что следующая пуля прилетит ему в тело.

В смысле потерь им еще повезло. Двигающийся по параллельной дороге 2-й батальон попал в хорошо подготовленную засаду на участке дороги, огражденном с двух сторон глубокими канавами. Когда, спасаясь от обстрела, солдаты кинулись прятаться в траншею, загремели взрывы. Несколько десятков человек погибло и было ранено самодельными минами.

Лейтенант специально ходил смотреть на такую. Клепались они явно по одному стандарту. Инструкции по изготовлению смерти в домашних условиях похоже получили широкое распространение. Кусок изогнутого листового металла в виде кирпича, с одной стороной более широкой. Именно ее и ставили в направлении врага. Внутри находилась взрывчатка со слоем цемента, куда вставляли куски металла, гвозди, болты и куски стального прута, величиной с палец. При взрыве они заменяли шрапнельные шарики, нанося жуткие ранения. На расстоянии в пятьдесят локтей и в высоту до четырех, мина выкашивала все подряд. От солдат до лошадей и деревьев.

Батальон после данного происшествия утратил всякое желание продолжать наступать. Еще не увидев реального противника люди были деморализованы. Продвижение подразделений (и не только их полка) стало настолько медленным и неуверенным, что и хромая черепаха без всяких сложностей смогла бы удрать из намеченного окружения.

Во-вторых, и это было достаточно порядочно, лигисты старательно избегали нападать среди жилых строений и прикрываясь гражданским населением. Значит в городе его роте опасаться особо нечего. Члены Народной Армии демонстративно ходили в форме, практически не отличающейся фасоном от королевской, лишь расцветка была достаточно дикая. Зеленые, коричневые и черные пятна. Первые дни все дружно смеялись, называя противника грязнулями, со временем заметили – на природе очертания бойцов смазываются и глаз плохо видит врага.

В принципе в наличии формы ничего странного ветераны. Все ходят в старых обносах. А кто нет, подражает членам Лиги. Зато само однообразие одежды и званий у лигистов явно демонстрировало приверженность международным правилам войны. Руководство мятежников старательно доказывало окружающему миру – мы действуем в определенных границах, согласованных договорами. Будьте любезны, не нарушайте их. А чем кончаются эксцессы, многие уже хорошо усвоили на наглядных примерах.

Отдавший приказ сжечь дом вместе с гражданскими лицами по подозрению, что оттуда стреляли, полковник Конви был не просто застрелен, а облит бензином и подожжен ровно через четыре дня после происшествия. Один раз вышел из гарнизона. Это рождало страх, ненависть и при том уважение. Не убийство – показательная казнь.

Лично он не попал на Фадзийскую, окончив училище уже под самое подписание мирного договора, но бывший ротный долго ругался по поводу камуфляжа лигистов. Якобы давным-давно кто-то предлагал по инстанции нечто подобное, однако интендантство решило слишком дорогое удовольствие. В Народной Армии пользовались не казенной одежкой и жизнь свою явно ценили заметно выше, чем генералы солдатские.

Майор Иссидион, прежний командир роты, вообще всю дорогу страшно поносил высшее командование и данную операцию. Подготовка проведена из рук вон плохо, силы противника неизвестны, планы состоят в бессмысленной маршировке без четко заданных целей. Взятие Логлина с севера и юга двумя группировками не несет на себе ни малейшего отпечатка военного искусства. Подобные действия мог предсказать любой здравомыслящий человек. Даже кольцо окружения наверняка дырявое!

Изначально серьезного сопротивления не ожидалось. Регулярные обстрелы и мины оказались крайне неприятным сюрпризом. А могли бы и подумать, гневно восклицал майор, каким это образом вроде бы немногочисленным группкам мятежников удастся держать в осаде несколько серьезных гарнизонов. На пятый день похода он возмущаться перестал, убитый выстрелом в голову.

Ловить снайперов обычно было занятием бессмысленным. Они всегда готовили пути отхода заранее. Два-три выстрела и ищи, теряя время в ближайшем леске, подставляясь под выстрелы. Единственный шанс иметь своих стрелков (отсутствуют по штату) или всем батальоном лупить в приблизительном направлении, в достаточно глупой надежде попасть.

Клиннор прямо не возражая покойному командиру, в душе с ним далеко не во всем был согласен. Бригадный генерал Оффрон, руководивший округом, дураком точно не был. Бывший командир 7-й армии, имеющий почти все существующие награды, проявивший себя как храбрый и напористый командир, умело преодолевающий упорное сопротивление врага, никак не мог деградировать в одночасье. С уровня роты многое не видно, а масса информации просто отсутствует. Тем не менее, догадаться о причинах происходящего не столь сложно.

Армия устами премьер-министра Моута Таннерса, заодно после известных событий в Баллине исполняющего обязанности военного министра заявила, что сможет покончить с организованным сопротивлением за три месяца. После этого у командующего округом выбора не имелось. У него отняли не только время на серьезную подготовку, но и не дали достаточно сил.

С Шиола были переброшены на остров части пяти подозрительных дивизий, участвовавших в недавней попытке переворота. Без достаточного количества офицеров (арестованы и расстреляны), амуниции и с не слишком довольным ситуацией рядовым составом. Из столичного округа на задворки королевства, да еще с весомым шансом пасть в бою. Ни о какой слаженности действий до приведения подразделений в порядок не могло и быть речи.

Реально Оффрон располагал не готовыми к боям дивизиями, а несколькими десятками отдельных батальонов и вспомогательных подразделений. По острову разбросано не менее семидесяти тысяч человек принадлежащих к армии. Под рукой бригадный генерал имел не свыше половины от этого числа. Он просто вынужден был поставить все на один удар, не сомневаясь в невозможности серьезного сопротивления полупартизаских отрядов мятежников регулярным войсковым подразделениям.

Требовалось просто задавить основные очаги мятежа массой, не обращая внимания на общий уровень готовности войск. В их тактической группе кроме десяти пехотных батальо-

нов и четырех кавалерийских эскадронов присутствовало шесть артиллерийских дивизионов. Противопоставить такому удару лигисты бы не смогли.

Они и не пытались. Наскок, обстрел, уход. Полная неразбериха со штабами в результате сведения в один кулак нескольких отдельных частей давала серьезное преимущество мятежникам. Вместо пятидневного перехода и разгрома повстанцев марш продолжался почти две недели и потери составляли сотни человек. А лигисты просто ушли в горы. Не надо быть гением, чтобы догадаться – стоит армии уйти и они вернутся.

Внутри города роту повел странный тип в форме полиции с нашивкой на плече в виде меча. За батальоном следовало таких не меньше сотни, вооруженных не хуже солдат. Многие явно прежде воевали и в панику не впадали. Толком первый лейтенант про них ничего не знал. Слухи ходили самые разные, но точно известно было одно – набирали их среди добровольцев, плохо прижившихся в мирной обстановке. А жалованье платили рядовым на уровне лейтенанта.

Майор до своей скоропостижной смерти откровенно косился на них и утверждал, что используют данный контингент в самых гадостных целях. Такие «короны» зря не раздают. Может и к лучшему. Пусть расстреливает Специальная Полицейская Стража. Меньше всего Клиннор хотел брать явные преступления на себя. Потом вовек не отмоешься. Даже если не прикончат очередные мстители.

Данный экземпляр из СПС без сомнений город знал замечательно. Он вывел роту через череду окраинных самодельных построек в новый район не путаясь и без малейших задержек. Разница сразу заметна. Здесь широкие улицы и большие скверы. Каменные двух и трех-этажные здания. Не бедные люди проживают.

– В Логлине жило тысяч восемьдесят, – ответил на вопрос мгновенно. – В казармах стоял артиллерийский полк и батальон пехоты. Фактически не больше трех сотен человек. Реорганизация, – он не сдерживаясь, выругался.

– Тебя сократили? – спросил осененный догадкой Клиннор.

– Ну уж нет, – нехорошо рассмеялся тот. – Мне муштра без надобности. Я в городской полиции служил. Он замолчал и, махнув рукой в сторону очередного здания, сообщил: – пришли. Вот здесь ваш батальон временно и расположится.

Не спрашивая разрешения, развернулся и направился в конец колонны, где остались его товарищи. Лейтенант мгновение в растерянности смотрел вслед, затем встряхнулся и принялся отдавать распоряжения. Куда всем взводом отправились эти странные блюстители порядка не его дело.

Здание оказалось школой, о чем красноречиво сообщали парты, доски и учебные пособия. Впрочем внутри была полная пустота. Ученики сидели по домам и это было удачно. Наконец-то можно было нормально лечь, отдохнуть. Приготовить горячую пищу (еще один повод для вечного недовольства погибшего майора).

Почему-то полевые кухни в батальоне отсутствовали напрочь. Интендант полка утверждал, что их продали как излишнее имущество за сущую мелочь первому подвернувшемуся покупателю. А в отсутствие нижних чинов утверждал, что члену Лиги Ветеранов. Якобы он его в лицо знает. Теперь из них свою свежесваренную еду получают мятежники. Как бы то ни было, пищу приходилось готовить на кострах или жрать сухой паек, что бодрости личному составу не добавляло.

Уже поздно вечером он настроился вздремнуть и тут ввалился командир второй роты капитан Джилли. Он тоже успел резко вырасти в чине в связи с офицерскими потерями за последние дни и командовал теперь батальоном.

Разница в возрасте у них была не слишком серьезная, но тот успел зацепить последний год войны и заработал «За заслуги». Особых боев уже не происходило, однако пули изредка еще посвистывали. На этой почве он считал себя многое испытавшим и относился к прия-

телю несколько покровительственно. С другой стороны хорошие отношения с начальством еще никому не повредили.

Вечно жизнерадостный капитан находился в непривычно угрюмом состоянии и первым делом извлек из сумки бутылку неплохого напитка сорока с лишним градусов. Лейтенант абсолютно точно знал, еще вчера ничего подобного у того не имелось.

– Там, – хлопбыстнув стакан и не показывая признаков опьянения, сообщил Джилли, ткнув в сторону слабо светящихся домов напротив, проживает господин Марвин. Знаешь такого?

Клиннор пожал плечами. Мало ли кто где изволит дом иметь. К числу его родственников и знакомых Марвин не относился. Среди генералов такой тоже не числился.

– Большой миллионер и огромная скотина. Я у него в особняке столоваюсь. И это, – он щелкнул по бутылке, – вроде подарка.

– А мы вот все галеты трескаем с кашей, – с завистью сознался лейтенант.

– Он мне порассказал, что здесь творилось.

– Грабили? – без особого интереса спросил Клиннор.

– Если бы! Этот дядя лигистов откровенно ненавидит, они ему пару лет назад всерьез на хвост наступили. Именно поэтому слушать было страшно занимательно.

– Ну и?

– Королевская власть закончилась сразу, на второй день после ответной акции в «Дно». Причем Шаманов появился достаточно быстро. Это не сказки, его многие видели.

– Вообще то я тоже, – сознался лейтенант. – Не здесь, конечно. А побережье. Сходил как-то на митинг. Нормальный мужик и вещи говорил дельные. Не понимаю я происходящего. Почему нельзя было сделать из него губернатора, а из Патры очередную провинцию.

– Будто я понимаю, – выругался командир. – Высокая политика, – тут уж прозвучало и вовсе непечатное. – Я по написанному им наставлению об использовании пулеметов учился и уверяю тебя, настоящей драки еще не случилось. Он воевать умеет. Пей! – разливая по второму стакану, сказал, – скоро снова двинемся.

– Я без закуски, не буду! Подожди минуту, хоть сухарем зажем.

– Господи, – пробурчал капитан с тоской, – и это наши лучшие офицерские кадры.

Он опрокинул стакан в бездонную плотку и крякнул.

– С виду в городе вообще ничего не изменилось, – сказал, будто продолжая начатое, – до слегка поддатого Клиннора не сразу дошло, он все про лигистов. – Школы работают, заводы трудятся, магазины, шахты, даже суд и полиция. Всего несколько человек исчезли, но их не кокнули где-то, просто сбежали. Слишком у многих зуб на них имелся. Вроде наших из Специальной Стражи.

– А кто они?

– Половина из полиции концессии, ты что не понял? Ах, да. Ты ж в прошлом году только приехал после училища. Не слышал про эти дела. Не важно. Пусть сами сводят счета, нас не касается.

– Ну да, они сейчас пойдут кого убивать, а в нас потом стрелять примутся!

– Есть приказы и надо их исполнять, наставительно заверил капитан. – Не наше ведомство и не твоя компетенция. Они хотя бы местные. Я это к чему? – допивая остатки из бутылки, спросил сам себя, – а! Короче к здешним военным пришли с ультиматумом. Сдавайтесь или будет вам корочун. Наверное не пустые слова, исходя из происшедшего, но поведение командира полка сложно объяснить. Он собрал людей и пошел на прорыв. Их зажали практически сразу в узких переулках. Полтора десятка погибших и свыше двух сотен сдавшихся. Раненых лечили, солдат отпустили практически сразу, прочитав лекцию об отношении к простым людям. Заставить их сейчас встать в строй задача не из простых. Плохого они от врага не видели, а желания идти под пули искать долго придется.

– А офицеры?

– Одиннадцать человек увезли с собой в горы. Пригодятся на обмен. Хуже другое, – он помолчал, – они пятнадцать дней вывозили со складов оружие и амуницию.

– Штаты обычного артиллерийского полка? – среагировал лейтенант мгновенно.

– Здесь был окружной склад горнострелковой дивизии, – с отвращением ответил его товарищ. – Умножай на два, как минимум.

– 16-ть 76-линейных пушек, 16-ть 120-линейных горных гаубицы, стандартно на одном лафете и поэтому удобно. А также 24-ре 80-линейных бомбомета. От 700 до 2,5 тысяч локтей дальностью, – огласил Клиннор, вызубренные в училище данные.

– Молодец, – одобрительно похвалил капитан, – получаешь полный бал на экзамене. К этому прибавить десятки тысяч гранат, миллионы патронов, тысячи снарядов. Одних винтовок семь-восемь тысяч.

– А где они возьмут опытных артиллеристов?

– Не обольщайся. Под началом опытных людей на фронте лепили за месяц с небольшим. Базовые знания и умение работать расчетом. А наводчики и артиллеристы у них наверняка имеются. Лига Ветеранов, ипать!

– Ну хоть понятно откуда взрывчатка на мины. Слишком много сразу. И мосты, и дороги, и шпалы с рельсами.

– Ошибаешься. Раскрой глаза пошире и посмотри, что вокруг города?

– Шахты?

– Вот именно. Оттуда динамит тоннами тащить можно. Несколько вагонов у Марвина забрали под расписку. Вагонов! То-то ему радости было! Победят правительственные власти, назад ничего не получит, – капитан хохотнул. – И даже это не все! Нас наверняка двинут на Голубичев. Слышал такой поселок?

– Нет. А должен был?

– Скоро весь Шиол узнает, помани мое слово. Как минимум пол года назад, заметь до начала арестов, там некто Геллер, – он хмыкнул, имя после «Дна» всем знакомо, – организовал лагерь по обучению боевиков. Цифры может где-то там знают, – он ткнул в потолок, – но через курс молодого бойца по словам Марвина прошло несколько тысяч человек. Сотни полторы по результатам получили черный берет. «Црни орлови».² Остальные вроде сержантов. Собственно не вроде, звания у них присваиваются в Народной Армии после начала мятежа официально. Самое натуральное правительство организовалось. Здесь даже налоги собирали.

Он странно шмыгнул носом.

– А военная специальность у Геллера снайпер. Я точно знаю. Нас там будет ждать веселая встреча. Артиллерия с прицельным огнем обученной пехоты. А с флангов пулеметы! Применяемые бывшим командующим пулеметных сил Корпуса Морской пехоты, согласно полученному реальному опыту боев. Мы идем прямо в подготовленную ловушку, – почти прокричал.

Лейтенант неожиданно понял, что капитан Джилли откровенно испуган. Ему и самому вся окружающая картина, начиная от снабжения и кончая противоречивыми приказами от разного уровня штабов, была сильно не по нутру. И все-таки долг есть долг. Приказы игнорировать можно в редчайших случаях.

– Ложись-ка Страф, – произнес нейтральным тоном, называя собеседника по имени. Он себе не часто такое позволял – субординация и не принято в служебных делах панибратство. – Отдохни. Если ты прав, завтра много дел. И если мы на кого-то и можем рассчиты-

² Черные орлы.

вать, так на себя. Ты командир батальона и тоже воевал. Не на печке отсиживался. От тебя многое будет зависеть.

Капитан Джилли почти минуту сидел молча, глядя в пол, потом кивнул.

– Ты прав. Надо лечь. А потом думать и действовать. Очень осторожно. Лучше остаться без орденов, чем без головы.

* * *

– Еще раз напоминаю и никаких оправданий в будущем не приму, – сказал Шаманов, стоящим вокруг него командирам, – сегодня у нас недостаточно сил для серьезного отпора армии. Наша цель выиграть время для создания боеспособных подразделений. Крайне необходимо дать людям почувствовать вкус победы. Поэтому первая бригада в полном составе отправляется в долину Питче. Задача остальных изматывать противника, не вступая во фронтальные столкновения. Удерживать господствующие высоты, идущие параллельно долине и расположенные при входе в прилегающие к ней ущелья. 10–20 человек с несколькими огневыми точками способны хорошо пустить кровь атакующим и оттянуть на себя дополнительные подразделения. При начале артиллерийского обстрела...

Один из людей в форме с нашивками лейтенанта, закатил глаза и громко вздохнул. В целях добиться невозможности спутать военнослужащих при очень схожей форме, погон Народная Армия не имела. И хотя знаки различия оставались прежними и привычными, звездочки и полоски пришивались на рукаве. По соседству с трехцветной эмблемой. Ко всему еще меньше выделялись командиры для наблюдателей.

– Дорогой Команданте, – сказал он на гневный взгляд Стена, – мы слышали все это не менее трех раз и лично я, бывший сержант Вулканов, постигал военную науку под управлением лейтенант-комендора Шаманова в Сводном отряде. В горах мы не очень долго присутствовали, однако кое-что в памяти осталось. Кроме того, последние недели мы старательно создавали многоярусную оборону, в которой все расщелины скал, пещеры, гроты, высоты используются как огневые позиции.

– Меня не устраивает кое-что и кое-как, – почти зарычал Шаманов. – Каждый бессмысленно погибший стрелок – это вина командира.

– И все-таки, – недовольно пробурчал еще один лейтенант, – почему Питче? Не было такого уговора раньше.

– Извини, – с явной язвительностью развел руками Шаманов, – забыл спросить разрешения. Капитана Геллера поставил в известность, а будущего маршала Полетова запаматовал.

Ха, подумал Макс, почтительно кивая в подтверждение слов начальства. Три дня назад я оказался в курсе и с тех пор пашу не хуже вола, перебрасывая орудия, бомбометы и своих Черных орлов на новые позиции. Теперь еще 1-ю бригаду как-то устраивать и кормить в новых условиях. Не меньше трех тысяч человек. А до того ничего столь оригинального в приказах и разговорах не всплывало.

Конечно, если все пройдет гладко, мы здорово вставим армии. Будут купаться в дерьме долго и качественно, но когда все шло без запинки на войне? Мне такие случаи неизвестны. И обидно. Замысел родился точно не на прошлой неделе, а я, командующий южным районом, узнаю чуть ли не в последний момент. Совсем Стен на секретности задвинулся.

Хотя, сознался сам себе, Оперативный отдел, планирующий действия вещь правильная. Правда по-настоящему подготовленных офицеров и генералов у них долгонько еще не будет. Все патраны, включая самого Шаманова, не обладают необходимым образованием и навыками. А может оно к лучшему? Иначе быстро бы съехали бывшие сержанты на несколько ступенек вниз. Дружба дружбой, а служба службой. Сразу ведь видно кто полез-

нее. Еле функционирующее интендантство прямо на глазах приобрело форму важнейшего министерства с назначением на должность суперинтенданта майора Добрева.

Он готов голову заложить не родная фамилия и на лбу у новоиспеченного соратника нарисованы Университет в Баллине, а в кармане присутствует шиольский паспорт. Безусловно, он патран, такие вещи вычисляются достаточно просто в разговоре, тем более особо скрытничать господин офицер, в жизни не служивший, не умеет. Привел его Шаманов и заявил – слушаться! И майором назначил из соображений чинопочитания. Иначе кто бы на чужака оборачивался лишний раз.

И ведь на пользу пошло. Очень непростой парнишка. Управлению он учился на серьезном уровне. Недаром занимался всерьез не только делами интендантства, транспортом, медициной, почтой и телеграфом. Умудрился попутно курировать криминальную полицию не лезя в дела людей из Контрольной Комиссии и собирать налоги. Везде поспел. То ли радоваться, что такие люди приходят в Национальную Лигу и Народную Армию, то ли бояться. Всегда тебе замена найдется. Уже на пятки наступают. И Крохин объявился, претендующий на командную должность. Лезут как грибы.

– Строиться, – приказал Шаманов, обнаружив приближающегося преподобного Фаура и с усилием прерывая продолжение нотации. Епископ был единственный из серьезных руководителей Ортодоксальной церкви, прямо поддержавший восстание. Правда, надо учесть, что в его ведение входили в основном районы Срединного хребта, заселенные горцами, частенько молящимися в других Храмах и Синенд, где не слишком почитали Ортодоксальных владык. Тем не менее, фигура в официальной церковной иерархии весомая и напутствия от его лица было совсем не зряшнее.

Стен долго искал, каким образом принимать присягу, не задевая ничьи чувства. Не короля же упоминать и не отсутствующее государство Патры. Теперь в тексте на месте высшей власти стоял народ и произносилось все в присутствии священника, для большей торжественности.

– Братья, – сказал преподобный проникновенно, встав перед строем собравшейся здесь практически целиком Народной Армии. По численности и пару полноценных полков не наберется, – секунду подумал и добавил, – и сестры.

Почти четыре десятка представительниц женского пола в бригаде налицествовали. Медсестры, радистки, даже поварихи.

– Вы ждете от меня проповеди о духовном. Сегодня я скажу о земном.

Он сделал рассчитанную паузу и осмотрел строй бойцов.

– Хоть где заканчивается духовное и начинается мирское нередко сложновато разобраться. Потому что Истинный Господь и безграничная любовь Его выражение! А то что от вас требуется – это любовь к земле своей, народу Патры. В ней необходимо черпать надежды и устремления! Не ради наживы или с мыслью об убийствах мы здесь собрались, но с мечтою помочь народу нашему.

Нельзя жить ненавистью, – произнес, будто в задумчивости, – она ослепляет. Кровь рано или поздно зальет глаза и сквозь нее не узришь истину. Только любовь является неисчерпаемым источником силы. Не для себя – для других трудиться. Да! Именно работать. Беспричинная злоба не принесет добра никому. Мы всегда должны помнить о будущем. Война не вечна, жизнь продолжится и после нашей победы.

– Таких бы агитаторов, да побольше, – практически не открывая рот, произнес Макс. Как высшие офицеры он с Шамановым стояли за преподобным, а не в общей шеренге.

– Не так много у нас людей такого уровня, – ответил тихо Стен. – Но это еще не означает, что можно отмахиваться от «просветителей».

– Да что они понимают в наших горских делах! – в голос воскликнул Геллер. – Учителя, студенты...

– Не одни крестьяне здесь собрались, – прошипел Стен. – И шахтеры, и рабочие, и горожане. Еще раз услышу, что вместо помощи в воспитательно-пропагандистской деятельности Зудову ставишь часть добровольцев в привилегированные условия, выбирая кому давать новейшее оружие, а кому нет, поищу для столь умного другое место. В обеспечении снабжения, например. А не справишься и там, всерьез обдумаю вопрос профнепригодности к командованию людьми. Снайпером тебе гораздо лучше.

Макс открыл рот для возмущенного отпора и молча закрыл. Этот сможет убрать его и засунуть заниматься всякой ерундой. Из принципа. Уговаривает, объясняет, потом терпение у Шаманова неожиданно для подчиненного заканчивается. Привыкший к нотациям нижестоящий летит в сторону, с отчетливым следом сапога на заднице. Былые заслуги роли не играют. И назад дороги уже не будет. Имелись прецеденты.

Не время и не место скандалить. В конце концов, не жалко – пусть студентки разъясняют текущий момент согласно политическим реалиям. Хочет Команданте курсы – будут ему просветительские курсы. Если живыми останемся в ближайшие дни.

– Вы добровольно поставили свои жизни, – очень созвучно мыслям вещал между тем преподобный, – на службу всему народу. И нам наверняка не придет без всяческих усилий награда. Нет! Впереди Народную Армию ждут жертвы и к этому вы должны быть готовы!

Не для того оружие вручено вам, чтобы властвовать над своими братьями. Нет! И без этого стонет земля наша не первое столетие и разоряются хозяйства. Гибнут люди и притесняется язык и вера. Мы защитники и заступники Патры и вести себя обязаны соблюдая законы Божеские и людские. На вас возлагаются людские чаяния и если не оправдаете надежд и врученного авансом доверия – нет нам прощения!

Вернуть Патре свободу – вот наша задача. И на пути сем ждут добровольцев, вас ребята, смерть и слава. Судьба народа в ваших руках и пришло время спасти его от тирании жестокой.

Ответственность – вот правильное слово! Вооружитесь заранее волей и терпением. Долог наш путь и неминуемо тяжек. Будьте стойкими и преодолевайте тяготы препятствия. Легко совершить подвиг пойдя наперекор врагам и на глазах соратников. Много сложнее проявить смелость не раз в год или месяц, а ежедневно. Постоянно, из часа в час копать окопы, мерзнуть и истекать потом, под тяжестью амуниции и в длительных тяжелых переходах. Здесь придется воевать и победить самого себя. Свою слабость.

Лишь из сплава веры, воли, решительности, терпения и готовности пожертвовать собой во имя народа выявится сила. Нет иной дороги, как стать по-настоящему людьми доброй воли. В этом рецепт победы и правда жизни. Пока мы соблюдаем добро и воюем не за свой карман, а во благо всего острова могучий союз с Богом несокрушим. Поэтому приложите все усилия, чтобы всегда оставаться людьми благой воли, так как только так вы обретете милость Божью. Без нее не поможет новейшее оружие, как не спасет оно вражескую армию.

Волонтеры, кто с нами? – повысив голос, спросил епископ.

– С нами Бог! – дружно ответил строй вооруженных людей.

Интерлюдия

Никто до сих пор не задумался о роли компании Борса Ветрова в произошедшем. То есть любители оружия с азартом примутся обсуждать изумительную живучесть, технологичность и практичность его убойных изделий, наряду с удобством обслуживания и невысокой ценой. Пистолеты БВ и ПВ оставались на вооружении флота, армии и полиции Шиола и Патры десятилетия. Выпускались по лицензии во многих странах. Они и сейчас изготавливаются в классическом виде для любителей и продаются по всему миру.

СКВ – скорострельный карабин Ветрова был первым представителем автоматического оружия продержавшегося на вооружении армейских структур нескольких стран три десятка лет. Используется и сейчас во многих случаях. Как охотничий карабин он по-прежнему высоко котируется среди знатоков. Единый пулемет для своего времени был новой концепцией и после минимальной модернизации всюду производится и сегодня, уже на новом уровне с неизвестными в те времена материалами.

ППВ стал самым массовым пистолетом-пулеметом и, хотя сегодня уже не выпускается, память о себе оставил глубокую. Кто только его не применял и в каких только войнах он не участвовал! Достаточно посмотреть художественные фильмы. Хотя бы одна из воюющих сторон, а частенько обе закупали неприхотливый и дешевый ППВ.

Особняком стоит знаменитый 14,5-линейный крупнокалиберный пулемет Ветрова. Автор разрабатывал его под специальный патрон с пулей массой 64 грамма. КПВ вышел, как водится у конструктора, очень удачным. В первоначальном варианте на специальном колесном станке могла буксировать лошадь или несколько солдат. В таком виде он отлично проявил себя в оборонительных боях, а с широким распространением машин получил и базу для атаки.

Надежный и безотказный в работе, а также очень простой в обслуживании и ремонте, он сочетал скорострельность станкового пулемета с бронебойным действием противотанкового ружья. Оружие получилось, несмотря на использование столь мощного патрона, на удивление легким – всего 39 кг. Однако его боевые характеристики были настолько впечатляющими, что пулемет до сих пор несет службу в качестве пулеметного вооружения танков и бронетранспортеров. Применяется для подавления огневых средств и живой силы, находящейся за легкими укрытиями, на дальностях до 1000 локтей, транспортных и грузовых средств – до 2000 локтей.

Кроме того, Борс не мог заранее знать о грядущих изменениях, однако КПВ очень скоро стали использовать на специальном станке. Спаренный или счетверенный оказался эффективным средством борьбы с самолетами на низкой высоте.

Возвращаясь к роли, сыгранной его оружием в восстании, невольно отмечаешь – Лига нуждалась в новейших образцах стрелкового оружия. Ветров осуществлял поставки в таких размерах, что смог удержаться на плаву и после закрытия завода военными властями. Кстати, компенсацию за свои финансовые потери он получил при помощи нового правительства Патры. Но важнее оказалась бесплатная реклама, продемонстрированная пользователями под названием Народная Армия.

Лекция по новейшей истории королевства Шиол в университете города Баллин.

Глава 5. Показательный разгром. 2700 г

Лейтенант Хэммонд Аппер сидел, привалившись к стенке наскоро выкопанного окопчика и плакал, благо никто не видел. Не от страха, он давно уже перестал бояться, устав до состояния, когда нет ни сил, ни желания двигаться. Он был готов лечь прямо в лужу, в надежде выспаться впервые за долгое время. Лейтенант плакал от бессилия что-либо изменить и скорбя по погибшим.

Рядом рвались снаряды, причем он был полностью уверен, из их собственного обоза, оставшегося позади и захваченного лигистами. В повозках было множество всевозможного добра и огромное количество боеприпасов. Их отрезали со всех сторон. И сейчас практически добивали. Ни связи, ни взаимодействия, ни возможности попросить о помощи. Из его взвода осталось семеро и все ранены.

Чуть больше трех месяцев назад он закончил общевоинское училище и в составе группы из 21-го лейтенанта был отправлен в 3-ю Баллинскую пехотную дивизию. Год назад это была бы несомненная удача. Столица! Сейчас штрафная дивизия пустилась в путь на Патру. Не успев толком познакомиться с личным составом, он отправился на войну.

Собственно первоначально подразумевалось, ничего сложного и тяжелого не предстоит. Реально в горах очутились две батареи и четыре батальона из его дивизии. Остальные или не успели прибыть, или размещались в других местах и участвовать в наступлении не могли.

Естественно с новоиспеченными лейтенантами никто не собирался делиться подробностями и планами операции. Тем не менее, основные сведения по военной науке, полученные в училище еще оставались свежими, а будущие генералы не успели утратить интереса к окружающей действительности, тупо выполняя приказы. Вся компания попала в одно место и совместными усилиями без особых они сложностей сделали простейший вывод.

Замыслом операции предусматривалось нанести удар вдоль долины реки Анава, уничтожение скопления мятежников и захват ключевого стратегического района, мешающий сообщению восточной и западной частей острова. Само ущелье делило остров на южную и центральную часть. Именно здесь проходили основные железнодорожные ветки с западных линий на восточные. Сейчас дорога не действовала и ее восстановление являлось одной из важнейших задач. По приблизительным прикидкам размах операции составлял до 60 лиг в ширину и не менее 200 в глубину фронта.

На той стороне не могло быть опытных и умелых офицеров, а значит и особых проблем впереди не предвиделось. Засады, обстрелы? Никто еще не выигрывал войну выстрелами из-за угла. Армия берет территорию под контроль достаточно легко. И отход мятежников подсказывал, они опасаются идти на серьезное столкновение. Правильно делают – конец однозначен. В будущем приятная запись в личном деле об участии в боях и возможно награда отличившимся. Совсем не плохо для только что окончивших пехотное училище. Так они думали на первых порах.

Очень скоро стало ясно – график продвижения не выдерживается. Дороги, мосты перед ними разрушались. Восстановить движение на железной дороге в кратчайшие сроки не удастся. Подвижный состав угнали, коммуникации вывели из строя. Как и телеграфно-телефонную связь. Повстанцы не просто отвинчивали рельсы или срезали провода. Они целенаправленно уничтожали столбы и целые куски полотна.

С выходом к горам приличная дорога имела одна единственная, ведущая вдоль русла Анавы. Войска невольно шли в растянутых на огромное расстояние колоннах. Авангард постоянно подвергался обстрелам и наталкивался на самодельные мины. Инженерных и саперных подразделений никто заранее не предусмотрел. Снимать взрывчатые ловушки при даже

их своевременном обнаружении специалистов не имелось. В основном их взрывали. Или подрывались на очередном неожиданном сюрпризе.

Ночью движение войск полностью стопорилось из опасения взрывов и только кавалерийские патрули обшаривали округу. Насколько подробно возможности проверить у лейтенантов не имелось. Темп продвижения снизился до минимальных размеров. 10–12 лиг в сутки считали неслыханной удачей.

Два батальона, включая и подразделение Аппера, двинули в сторону одного из выходящих к реке ущелий. По карте там находилось небольшое селение и вся глубина каньона около трех лиг. Ничего сложного. Особенно при наличии двух батарей (4 полевых и 4 горных 76-линейные орудия) и приданного отряду эскадрона конницы. Практически полноценный полк, а банды мятежников насчитывали по словам начальства не более тридцати – ста человек. Правда имели на вооружении пулеметы, но сколько у них может быть патронов? Не бездонная же бочка.

Уже через двести локтей ущелье делало резкий поворот и в этом месте передовой дозор был обстрелян в первый раз из «Остина». Попытки эвакуировать раненых ни к чему не привели. Мятежники простреливали все подступы к авангарду. Был открыт артиллерийский огонь. После множества разрывов на склонах удалось добраться до своих товарищей. К сожалению, часть пострадавших истекла кровью к этому моменту. Одиннадцати погибшим уже ничем помочь было нельзя. Пятерых раненых удалось вывести.

К утру подошел еще один эскадрон кавалеристов и батальон двинулся вперед. Уже тогда Хэммонд почувствовал себя не очень уютно. Ему крайне не понравились приказы командира батальона, бессмысленно гнавшего его роту вперед, якобы спасти однополчан. Не было попытки обойти пулемет по склонам и даже артиллерийский огонь открыли с серьезным запозданием. Это стоило роте шестерых убитых и четырнадцати раненых.

Кстати, позже он специально послал своих стрелков проверить огневую точку. Ни трупов, ни разбитого пулемета, ни следов крови они не обнаружили. Только гильзы. Ничего удивительного. Пушки стреляли по площади, а не конкретным указаниям. Почему мятежники ушли неясно. Это заставляло всерьез нервничать. Могли бы повторить номер на «бис», подстрелив еще десяток солдат. В трусость или неумелость мятежников Хэммонд больше не верил. А значит, напрашивался нехороший вывод – их поджидают впереди.

Когда командир батальона клялся любой ценой разгромить врага, он явно не имел в виду собственную кровь. Подполковника новоиспеченный командир взвода узнал уже на ходу и был тот человек деловой и обстоятельный. Свой батальон он обеспечивал всеми видами довольствия и полевая кухня готовила горячую еду своевременно. Неизвестно насколько он подходил к активным действиям.

Выяснить это Апперу не удалось. Тот погиб одним из первых в разразившийся в тот же день катастрофе. Стрелки Народной Армии традиционно норовили выбить в первую очередь при атаке офицеров, оставляя низший состав без командования. Многие терялись и впадали в панику, лишившись руководства.

Что такое пройти необходимое расстояние походным порядком? Два часа, если нормальная дорога. Четыре-пять, поднимаясь в горы. Там прямых путей не предусмотрено и широких шоссе тоже. К окраине поселка вышли к обеду, оба эскадрона развернулись, охватывая Тейви и двинулись вперед. Занять и прочесать на предмет противника строения.

В этот момент лигисты открыли сильный пулеметно-артиллерийский обстрел с окружающих высот. Подразделения оказались в огненном мешке, буквально уничтожаемые со всех сторон. Особенно досталось кавалеристам и прислуге батарей. Десятки пулеметных стволов, включая крупнокалиберные, от которых не было спасения и за заборами. Пули пробивали любые укрытия с расстояния не меньше лиги. Кто не видел, как при попадании человека разносит на куски, не знает что такое война.

Хэммонд последние часы чего-то неприятного ждал, сам не умея объяснить и опасаясь делиться с другими офицерами – засмеют. На душе у него после выхода из ущелья было отвратительно. Казалось бы, радоваться надо, все закончилось достаточно благополучно, а он нервно дергался. Зато и среагировал первым, заорав команду. Его рота и 2-я рванули назад, к недавно оставленному за спиной оврагу. Единственное место во всей округе, где можно было укрыться от обстрела, попадая в мертвую зону. Пулеметы их в канаве взять не могли.

Очень скоро выяснилось, что в овраг набилось свыше трех сотен солдат и единственный офицер – это он, лейтенант Хэммонд Аппер. Остальные продолжали гибнуть у них на глазах. Дважды кто-то пытался поднять остатки разгромленного отряда в атаку. Наступать под лавиной свинца и снарядами несколько сотен метров по открытой местности не сумели бы и герои из легенд. До ближайшей высоты не добежал ни один.

Тела нескольких сотен убитых, раненых и вжимающихся в землю в надежде уцелеть усеяли все поле. Тут же носились лошади без седоков и валялись орудия. Казалось все произошло в считанные секунды и, посмотрев на часы, он тупо удивился. Разгром продолжался два часа пятьдесят три минуты. Не так уж быстро.

Попытка отступить к следующему сзади обозу была немедленно пресечена пулеметными очередями. Да не очень и надеялся вырваться из окружения. Судя по стрельбе в районе ущелья там в очередной раз закупорили выход. А обнаружить среди возчиков и поваров рвущихся в бой их спасти он не надеялся. Без особых сомнений все имущество досталось в качестве трофеев мятежникам.

Очень скоро он убедился в своей правоте. Мимо, наверняка специально, чтобы они видели, прогнали толпу сдавшихся военных. В бинокль, доставшийся ему в наследство от погибшего командира роты, Хэммонд даже разглядел пару знакомых лиц.

Вытащить их из отвратительного положения могли только войска снаружи. Лейтенант вполне отдавал себе отчет, что пока до штаба группировки дойдет, что отсутствие связи затягивается, пока в поисках информации вышлют разведку и получат хоть какие данные, пока соберут подмогу и догадаются обойти вход в долину по горам, пройдет немалый срок. Поэтому он был страшно заинтересован тянуть насколько возможно время.

Хотят лигисты собирать раненых, пленных и трофеи практически у него под носом – сколько угодно! Неприятно, но быть может помогут и вылечат пострадавших. А сдавшиеся, ничего не поделаешь. Каждый выбирает себе судьбу самостоятельно. На призывы бросить оружие и выйти, подняв руки через громкоговорители, он ответил проверкой своих вояк. Назначал ответственных за отдельные участки, распределял по взводам, собирал вместе людей из одной роты и произносил красивые речи о подвигах и скорой помощи, сам не веря в свои слова.

Во всяком он сделал единственное, что мог. Устав пехоты предписывал окапываться по фронту. Остатки отряда заняли круговую оборону. По правилам фронт взвода должен был составлять 120–150 локтей. Реально пришлось наводить порядок, распределяя солдат и раздавая им указания и пинки, побуждающие шевелиться. Долго сидеть спокойно им не дадут – это он знал совершенно точно. И не ошибся. Идти толпой в атаку лигисты не пожелали.

Не особо скрываясь, они подтащили хорошо знакомые 80-линейные бомбометы. Стандартный окопный метатель бомб, легко производимый на любом приличном заводе. Вот с бомбами сложнее. Сколько их может быть? Про пулеметы они тоже думали максимум на пару хороших боев, потом бросать тяжелую железку и уносить ноги. Оказалось патронов у лигистов немерянно.

По тому же боевому модернизированному уставу, старательно вызубренному в училище, бомбомет считался тяжелым вооружением. В роте полагалось иметь не менее двух штук. Разбирается на три части – опорная плита, лафет-двуног и ствол с казенником. То есть,

самое милое дело, при весе всего в 57 килограмм, носить по горам. Это вам не гаубица, а накрыть легко сумеет и в укрытии. Траншейное оружие. 15–20 выстрелов в минуту опытной командой обеспечивается запросто. Два десятка показали с четким намеком.

Мятежники подождали еще пол часа реакции и принялись обстреливать. Выглядело это, будто они решили потренироваться. Начинали одни бомбометы, через некоторое время пристреляются, положат два-три десятка бомб прямо в окопы и овраг – остановятся. Приступает другая пара с соседней высоты. Возможно так и было. Почему не поиграть с беззащитной целью.

Им от этого было не легче. Потери стремительно росли. Попытки выскакать наружу и бросать оружие пришлось пресекать силой. Ближе к вечеру добавились и гаубицы. Одно точное попадание и в десятке метров от него и буквально испарилось одиннадцать человек, оставив после себя на стенках воронки немного крови и мяса.

Именно поэтому он и расплакался. Все эти страшные часы лейтенанта точила жуткая мысль – прикажи он сдаться и свыше двух сотен убитых и искалеченных солдат остались бы целы и невредимы. А он ведь собственной рукой застрелил двоих, нарушивших приказ и рванувших бежать то ли предателей, то ли просто запаниковавших. Срезал их из «Остина» и не колебался в тот миг. Присягу нарушать никому нельзя!

Взрывы затихли и он настороженно прислушался, вытирая лицо грязным рукавом. Подождал еще пять минут – тишина. Солнце садилось за горы и становилось темно. Хэммонд пригибаясь двинулся по окопчику, в очередной раз напоминая солдатам последовательность действий. В сотый раз заставлял проверять винтовки и последний уцелевший «Остин». Выяснял, все ли знают, как применять в бою гранаты и кто старший.

Отвратительно было проверять раненых и утешать на прощанье. Взять они собой их не могли. Кто не сможет сам идти, лучше остаться здесь. Лигисты воевали честно и оказывали помощь сдавшимся. Это все усвоили твердо и многие вовсе не рвались бежать под обстрелом. Хэммонд всерьез подозревал, что добрая треть наличного состава стоит отвлечься, попытается дезертировать и уж в атаку не пойдут.

Выбора у него не было. Сидеть на месте верная смерть. Надо отходить. Естественно не по старому маршруту. Выгоднее всего в сторону высоты № 4. Так он обозначил ее для себя и остальных. Как она правильно именуется, его не волновало. Карты один хрен не имелось. До нее локтей триста и в темноте можно одним броском преодолеть расстояние. А потом уходить вверх. Пару лиг по горным тропкам люди выдержат.

Хуже всего, он сознавал, что и противник это понимает. Поэтому предполагалось выйти из окопов бесшумно, тихо миновать основное расстояние, отделявшее от отдыхающих лигистов, а уже перед их позициями открыть огонь на поражение. Котелки, кружки, все хозяйственные предметы уложить в вещмешки так, чтобы во время атаки не было ни одного постороннего звука.

Он шел мимо солдат и повторял:

– Сигнал к началу атаки – стук малой саперной лопатой о лопату. Он наверняка подумают, лезем глубже под землю и не насторожатся.

Мысленно пересчитал измученных людей. Восемьдесят три и половина в перевязках. Четверть первоначального состава. Еще семнадцать тяжелораненых стащили вместе в соседние воронки. Рядом не так страшно беспомощным.

Присел и перевел дух, глядя на часы. Осталось час и двадцать восемь минут жизни. Почему не тридцать или сорок? Ни почему. Сам назначил срок. Будет достаточно темно и мятежники тоже не железные. После целого дня обстрела должны расслабиться. Нас можно в расчет не брать. Атаковать перед рассветом дело слишком знакомое. Надо быть непредсказуемым.

Было страшно. Рядом у солдата отчетливо застучали зубы и он передернулся. Стрелка двигалась страшно медленно, а в желудке громко забурчало. Жрать хотелось страшно, с утра ничего съестного не видел. У солдат хоть немного сухарей с собой имелось. Вздыхнул и закрыл глаза. Ждем.

* * *

– Господин лейтенант! – окликнул Клиннора наблюдатель и показал рукой. По вечно пустой дороге пылило несколько повозок. Наблюдатели постоянно и очень пристально отслеживали любые передвижения в округе, пользуясь биноклями и артиллерийской буссолью. Даже записывали подробности в специальные журналы.

Клиннор, уже первый лейтенант, получивший повышение, как в звании, так и в должности, он теперь был начальником штаба 73-го отдельного батальона, внимательно смотрел в мощный артиллерийский бинокль, собственноручно украденный из разбитой обозной повозки. На самом деле он унес дюжину и не из жадности, а для дела.

Всегда хотел такой иметь, чтобы в театре подробно рассматривать актрис. Оказалось не менее удачно пользоваться по прямому назначению и в пехоте. По штату требовалось стать не меньше командира батальона, чтобы разжиться столь необходимой вещью законно. Зато он и выдавал наблюдателям, а не держал под подушкой, как интендант. Скорее удавятся такие, чем позволят воспользоваться.

Капитан Джилли последнего «старого» офицера держал при себе, вспоминая с ностальгией роскошь, когда в каждом взводе присутствовал отдельный лейтенант. Сейчас их на заставе кроме него и комбата имелось только трое. Причем Майфенви был даже не нормальный товарищ, а чиновник, отвечающий за вещевое довольствие. Спасибо ему, безусловно, за заботу и забытые имуществом склады, но доверить руководство людьми в бою – сомнительное деяние.

Двое других лейтенантов были его выпуска, но другого училища и угодили прямо на заставу, счастливо миновав поход в горы. Где они там задержались, Клиннор не выяснял подробно. Без разницы. Обычный бардак. Им в принципе лучше. Всем и во всех смыслах. Парни остались живы, а Джилли есть кого поставить на роту. Во всех трех жуткий некомплект.

Слово батальон только в бумагах смотрелось и звучало солидно. В недавних боях они потеряли не так много людей, если не считать практически всех офицеров. Зато в результате обычной дизентерии почти треть личного состава отправилась в ближайший госпиталь. Вместо роты теперь лейтенанту неполной полусотней командовать почти усиленным взводом. Это много проще и вконец облажаться вряд ли удастся. Особенно если присмотреть и подсказать.

Клиннор искренне удивлялся, почему его обошли пристальным вниманием специально охотящиеся на командиров стрелки. Видимо мать и три сестры крепко молили Бога о помощи. Он был старшим и единственным сыном.

После гибели отца на фронте жили они на пенсию капитана и не особо шикавали. Все равно он всегда получал самый вкусный кусок. Правда хватило совести решить идти в военное училище. Совсем не рвался в военные, мечтая стать инженером, но дать образования сестренкам посчитал важнее.

Он жил на всем готовом и даже получил возможность отправлять домой часть жалованья. Тратить в здешних краях было абсолютно не на что. Даже не погулять с шиком, радуясь спасению. Наверное он бы с превеликим удовольствием отметил выход из боев в целом виде в ближайшем приличном ресторане. Не выгорело.

Самому тупому военному служащему очень быстро стало ясно: наступление приводит не к разгрому, а фронтальному вытеснению противника. При отсутствии в горах не только сплошных, но и вообще любых линий фронта, лигисты легко проходили мимо армейских постов, беспрерывно тревожа подразделения обстрелами и ставя мины на уже проверенных участках.

Не требовалось заканчивать Академию Генерального штаба, чтобы сделать элементарный вывод – стоит основной массе войск выйти, оставив несколько гарнизонов и их моментально отрежут от тылов с вполне предсказуемыми последствиями. Наступление провалилось. Требовалось либо большее количество войск, либо пересматривать все планы.

Бригадный генерал Оффрон хотя и не стал советоваться с ним, наверняка пришел к тому же умозаключению. Войска были отведены на начальные позиции в предгорья и приступили к блокированию Народной Армии. Выглядело это так: по периметру «Свободной» по терминологии патранов области, были организованы несколько сотен застав, общей численностью почти в двадцать тысяч человек.

Военная зона, контролируемая постами от взвода до полка, должна была обеспечить безопасность и пресекать выход в низины вооруженных отрядов. В этих районах устанавливался особый порядок жизни и надзор за жителями возлагался на военных в содружестве со Специальной Полицейской Стражей.

Высота «Борден», где размещался 73-й батальон, прикрывала выход к Логлину и реке. Сам город являлся главной базой армейских постов и его обороняло около четырех тысяч человек, включая несколько сотен представителей тыловой и административной службы. Реально небольшие группы боевиков всегда имели серьезный шанс проскочить мимо постов или обойти блокаду по горам.

Заставы находились на значительном удалении друг о друга и находящиеся в них подразделения не отличались высоким воинским духом. Инициатива полностью потеряна, связь нередко отсутствует. При желании Народная Армия могла приступить к последовательному уничтожению постов одного за другим без всяких проблем. Если проделать достаточно быстро и при этом предварительно перерезать коммуникации, заставы долго не продержатся. Время и место лигисты могут выбрать спокойно. Инициатива на их стороне.

В их зоне возможно спасение придет из города, хотя надежда на это достаточно слаба. Удачнее соседство с рекой Анава. Водяные артерии на Патре многочисленны и при этом малосудоходны. Пороги, быстрое течение, высыхание летом и переполненность зимой. Тем не менее, можно было подумать и раньше. Хорошо через год догадались.

В трех лигах от заставы базировались две канонерские лодки. Четыре 66-линейных орудия на каждом и два «Остина». Сильно помочь в пиковом случае бы не смогли, но канонерки были оборудованы радиотелеграфом. Связь на войне важнейшая вещь!

А почему не конфисковать у нелояльных жителей Патры (при необходимости легко обнаружить таких, ткнув пальцем в первого попавшегося) пароходы и не вооружить их более серьезной артиллерией лейтенанта спросить забыли.

– Свои, – подтвердил, опуская бинокль. Не опознать пузатого Майфенви и две повозки с приданными батальону обозниками, вчера отправившимися пополнить свежие продукты было сложновато. – Молодец, – похвалил часового за проявленную бдительность. Тот обрадовано улыбнулся.

Если и научился чему Клиннор от своего комбата, так умению заставлять выполнять свои указания быстро и точно. Солдат всегда пристально смотрит на офицера и ищет слабости. Дашь слабинку, считай сели на шею. Потом его воспитывать бесполезно.

К этому делу необходимо приступать с первых минут общения с рядовым и сержантским составом, не забывая и поощрять старательного. Другого выхода не существует. Тем

более, когда на каждого офицера по сотне с лишним лбов и без постоянного контроля они обязательно выкинут очередной дурацкий фокус. А отвечать кому?

Так что и лишний наряд, и дополнительная похвала не помешают. Дело в том, что количество приближающихся изрядно превышало ожидаемое. В колонне следовала хорошо знакомая 100-линейная горная гаубица, дюжина нагруженных мулов и провизионная повозка. Два десятка человек номеров прислуги и погонщиков. А за ними почти шестьдесят человек с винтовками. На вороном жеребце человек в офицерских погонах. На двух повозках наверняка имущество пополнения. Лучше не бывает!

Обмана он не опасался. Давно имелась договоренность с Майфенви о предупреждающих знаках. При всей своей абсолютной невоенной сущности трусом он не был и не стал бы покорно приводить мятежников. Да и мало их для захвата заставы.

Всадник оказался человеком лет под тридцать с седыми висками и погонями майора артиллерии. Лицо у него было исхудалое и вид не вполне здоровый. Зато взгляд, которым он внимательно обшаривал посты, связывающие их траншеи полного профиля, провололочные ряды и перегораживающие въезд переносные заграждения с нацеленными в гостей двумя пулеметными забетонированными точками был достаточно красноречив.

Батальон зарылся в землю по всем правилам. Местами на четыре-пять локтей. Блиндажи изнутри они укреплены бревнами, а в некоторых даже вымощен досками пол. По ходам сообщения можно спокойно добраться до любых позиций, не подставляясь под огонь. Имеются отдельные ниши для раненых – при серьезном обстреле их немедленная эвакуация является достаточно проблематичным делом, а порой и вовсе невозможным. Двойной выигрыш. И укрытия на всякий случай пригодятся, и нижние чины постоянно заняты. Много свободного личного времени в армии не к добру.

– Рад обнаружить нормальную подготовку, – спешиваясь и поморщившись, наступив на ногу, сказал прибывший.

– Первый лейтенант Клиннор, – отдавая честь, представился, – начальник штаба 73-го отдельного батальона и всего вокруг.

– Майор Гох. Назначен к вам командующим артиллерией. По спискам у вас на довольствии находятся еще одна 100-линейная горная гаубица, морально устаревшая 150-линейная гаубица образца 2684 года с лафетом осадного типа, четыре полевых орудия 76 и два 80-линейных бомбомета с пятикратным боезапасом, соответствующими количеством зарядных ящиков, гужевого транспорта и личного состава, включая погонщиков мулов и полевую кухню.

– Все точно, – удивляясь, как ему хватило дыхания на столь длинную фразу, согласился лейтенант.

– А эти, – он показал на солдат, – попутно. Выдрал из цепких лап городского начальство в целях доведения личного состава до штатных норм. Согласно доклада интенданта вашей заставы.

– Ух, – ошеломленно произнес Клиннор, – вы всегда так изъясняетесь?

– Уж очень меня долго допрашивали в разведке, – дернул головой майор. – С ними проще объясняться штампами. К любой оговорке цепляются.

– Вы шпион майор? – обрадовался Клиннор. – С фамилией Гох – типичный патран. Герцог вам не батюшка?

– К сожалению, даже не дальняя родня. Мы произносимся в оригинальном виде Хох, а не Гох. Это шиольское извращение.

Лейтенант пожал плечами. На его непритязательный слух звучало абсолютно одинаково. Тельяны странный народ. Еще хуже патранов. Сотня языков, а между собой объясняются на обычном шиольском.

– Но чтобы не было недоразумений, я две недели как вернулся с гор по обмену пленными.

– Стоп! – резко сказал Клиннор, – об этом не здесь и очень подробно, когда распределим людей. Капитану Джилли, нашему комбату тоже будет интересно выслушать подробности из первых рук.

* * *

– Пуля попала в коня в первые же секунды, – ответил на вопрос майор. Он хорошо понимал интерес офицеров и не стал ломаться, изображая усталость или отсутствие памяти. – Я и опомниться не успел, валяюсь, придавленный тушей и нога жутко болит. Выдернуть никак. От батареи за две или три минуты ничего не осталось. Все мои парни еще сообразить ничего не успели, а их в десяток пулеметных стволов и с двух сторон. Никто и опомниться не успел.

Кавалеристов смели не менее споро. Единственный шанс был рвануть в поселок и ворваться между домов. В уличных боях и под прикрытием стен и каменных заборов был хотя бы минимальный шанс. Кто-то вовремя сообразил и скомандовал. Они просто не успели. КПВ бьет на расстояние свыше лиги и никакой счастливый случай для нас был не предусмотрен.

Там вообще было нечто жуткое по части наличия пулеметов. Сами понимаете, мне пересчитывать никто не разрешал и говорю на основании очень приблизительных прикидок. Тем не менее, основываюсь не только на общих впечатлениях. Когда все кончилось, мог перемещаться достаточно свободно.

Заверяю с достаточной высокой надежностью – на роту не меньше двух крупнокалиберных и шесть-восемь ручных. Правда это касается лишь так называемой 1-й волонтерской бригады, численностью до трех батальонов. Вспомогательные подразделения и ополченцы вооружены много хуже. При этом СКВ по всем параметрам предпочтительней стоящей на вооружении армии «Литы». Но это мы знали и до того.

Лежу, спрятался за погибшим жеребцом и смотрю. Над головой пули посвистывают и прямо перед глазами жуткая паника. Солдаты из Баллинской дивизии мечутся без толка и смысла, а их как на стрельбище, – он махнул безнадежно рукой. – Мы хоть готовились к чему-то. Если б не неожиданность... А эти и прятаться не умели. Необстрелянные и никчемные новобранцы. И офицеры не лучше. Будто не война прошла недавно.

– Хм, – сказал задумчиво Джилли.

– Да знаю я! – возмутился майор. – И придворный округ и про офицеров и что? Остальных учить не требовалось? Опыт не передавали? Почему я окапываться своих ребят-артиллеристов учил, а пехота не сумела? Уставы и наставления разрабатывались с учетом новейшего опыта массовых сражений. Вот вы их знаете?

– Хм, – повторно промычал Джилли, – наступление в горах проводится в соответствии с общетактическими принципами. Правда, почему требуется переться по дороге, позабыв об обходах, маневрах и высотах, мне не понять. И как можно посылать в поселок, предположительно занятый неприятельскими войсками кавалеристов без прикрытия, имея под рукой артиллерию? Непростительная ошибка! С другой стороны окажись мы на месте Баллинской дивизии, не уверен, что повели бы себя лучше. Увольнять в отставку после войны обстрелянных ветеранов и вводить призыв считаю еще одним огромным промахом. Отвратительнее всего, с той стороны как раз масса ветеранов.

– Вот видишь, – побурчал, успокаиваясь Гох. – Мне тоже заявили: Война всюду одинакова. Эти, мать их за ногу, общетактические соображения. А встревать поперек старших по званию не стоит. Мое дело неукоснительно исполнять приказы и не строить из себя умника.

Я честное слово, – сообщил злорадно, – доволен, что полковник не выбрался из мясорубки. В следующий раз руководить надеюсь, придется кому-то другому. Более умному.

Клиннор незаметно скривился, намекая комбату, заткнуться с претензиями. Не вина майора, что Королевство сокращало свои вооруженные силы после захвата громадных территорий, пытаясь вернуться к довоенному бюджету. В результате в пехотных полках осталось по два батальона вместо трех и в артиллерийских дивизионах третью батарею сократили. Морская пехота лишилась двух расформированных дивизий.

Все дело в том, что в высших эшелонах власти возобладаало мнение о преимуществе потребностей флота в целях контроля над океанскими просторами. На этой почве шла серьезнейшая ссора и путч на Шиоле вместе с введением военного положения на Патре были всего лишь очередными звеньями в череде интриг и подвохов в среде военных. Расплачивались за это не генералы.

Не к месту сейчас перебивать кости кабинету министров и финансистам. Интереснее выслушать свидетеля. Подробности разгрома мало кому известны из первых рук.

– Ну потом мятежники собрали раненых, мне гипс на сломанную ногу наложили. Ничего плохого не могу сказать в этом смысле. Людям оказывали первую помощь, многих оперировали. Условия там не из лучших, но для своих ничем не отличались. Шестнадцать человек с тяжелыми повреждениями умерли потом. В армейском госпитале вряд ли процент с осложнениями был бы меньшим.

– Процент от какого количества? – подался вперед Джилли.

– Вот на это я могу ответить достаточно четко. Как старший по званию был назначен командующим лагерем военнопленных. Лично командиром 1-й волонтерской бригады Геллером. Он не хотел возиться с нашим обустройством и спихнул на первого подвернувшегося под руку. Жалобы и пожелания в рабочем порядке по инстанции. В смысле я приходил и просил. Или его, или кого по соответствующей должности напрямую. Интенданта насчет пайка, медика о перевязочном материале. Обычно получал. Иногда посылали в известном направлении. А на костылях я мог прыгать и получил таким образом право выяснять всякие интересные подробности. В том числе и личные данные. Извините, перечислять всех желающих не имею, в общих чертах. Я – майор, два капитана, одиннадцать лейтенантов, 973 нижних чина попали в плен. Оба капитана, семь лейтенантов и 313 солдат и сержантов ранены. Плюс те шестнадцать скончавшихся позднее. Остальные сдались целыми.

– Первоначально два полных батальона, два кавалерийских эскадрона, артиллерийский дивизион, обоз. Где-то под две тысячи, – прикинул Клиннор. – Жуть. До тысячи погибших.

– Совершенно верно, – подтвердил Гох. – Правда, должен указать, что зачислять всех остальных в убитые, в результате внезапного нападения, не совсем верно. Часть солдат сумела найти укрытие в овраге и принялась окапываться. Сначала их слегка обстреляли из 76-линейных гаубиц, потом принялись закидывать из бомбометов 80 – линейного калибра. Стрельба как на полигоне. Без малейшей возможности ответить со стороны окруженных. На самом деле тут ничего нового нам Народная Армия не продемонстрировала. Еще после окончания Фадзийской войны на основании докладов в артиллерийском ведомстве приняли решение увеличить количество бомбометов в частях и приступить к разработке 120 – линейного тяжелого бомбомета.

– Игрушечные пушки, – с насмешкой процитировал Джилли премьер-министра Моута Таннерса, – пригодные к траншейной войне и малоприемлимые в маневренных действиях.

– Плохо быть идиотом, – грустно улыбнулся майор, – не понимаешь, так не лезь с публичными высказываниями! Скорострельность бомбомета выше любой современной пушки, вес меньше, а следовательно и время переброски на новый участок возрастает заметно. Вместо двух упряжек, как с горной гаубицей достаточно трех лошадок или даже спин солдат.

Двадцать килограмм опорной плиты не так уж страшно, еще никто не надорвался. Дальность в наших условиях вполне приемлимая. Мощность боеприпаса не уступает 76-линейных гаубице или полевому орудью того же калибра. А возможность поражать закрытые цели и окопы дает огромное преимущество применяющей стороне. Мало того, согласно доклада почти 50 % потерь в последний год Фадзийской пришлось на действия бомбометов.

– Ну это серьезное преувеличение, – с глубоким сомнением возразил капитан Джилли. – Вы в курсе истории про каски? После их введения выросло количество ранений в голову. Виновный найден, – он хохотнул. – Если б не каски все бы жили долго и счастливо. Так и создается статистика. И выводы делаются, – закончил нравоучительно, – как подать правильные факты, так и запишут в истории. То ли стакан наполовину пуст, то ли наполовину полон. Звучит различно, суть одна. Подождите, еще запретят ношение касок в бою. Исключительно на парадах.

– Если и присутствует в докладе приписка, то не слишком великая, – твердо заверил майор. – Очень действенное оружие. Не так давно лично в очередной раз убедился. А нашего министра, – после паузы добавил, – с огромным удовольствием бы лично вздернул на фонаре. Не доработали путчисты в Баллине. Не тех кончали.

– У Таннерса наличествует мощное политическое чутье. Вовремя смылся в порт. Не догнали, – Клиннор невольно хихикнул.

Премьер-министра ненавидели все военные без разбора повсеместно за кучу недостатков выявленных в трехлетней войне и еще худшие дела, после ее окончания. Он одинаково раздражал и армию и флот, умудряясь при этом сохранять свой пост много лет подряд. За что его уважал кроль, кроме аристократического происхождения, никто бы не сумел ответить. Пусть они знакомы с детства, но ведь вместо пользы сплошной вред приносит государству!

– Лучше бы его поймали и грохнули, чем генерального инспектора армии, – пробурчал Джилли. – Тот вполне приличный мужик был и уж мы бы сейчас не сидели в ожидании обстрела.

– Ладно, оставим политику. Важнее что у лигистов на вооружении имеется большое количество бомбометов как выпущенных раньше, так и собственного производства.

– О! – сказал Джилли.

– Достаточно просто изготовить. Первые на фронте вообще клепали из подручных средств, используя стаканы от снарядов. Мало того я видел в горах и укороченный вариант бомбомета. Снижается дальность, но при этом и масса облегчается. А вместо двух с половиной дальности, одной лиги в горах хватит за глаза. Проблема в количестве бомб. Изготавливать их без оборудования уже не так просто. Впрочем, вроде на их территории небольшие заводы имеются и я бы не рассчитывал на скорое окончание боеприпасов.

– Насчет попавших в окружение, – осторожно напомнил Клиннор.

– Да, извините, увлекся. Большая тема. Неприятно видеть, как обычные сержанты оказываются умнее министров. Невольно закрадываются мысли о... Впрочем не важно.

– Ну, Шаманов не вполне сержант.

– Я даже слушал его лекции по применению пулеметов, – грустно сообщил Гох. – Тогда. Кто-кто, а он умеет организовывать огневой мешок. Доказал на практике. Еще раз извините. Выбора у ребят не имелось. Сидеть под обстрелом еще несколько суток, а помощь подошла реально лишь через шесть дней – чистое самоубийство. Они прошли на прорыв и сделали это достаточно неожиданно для лигистов. Даже ворвались на позиции. Народная Армия потеряла восемь убитых, в том числе одного из однополчан Шаманова по Сводному отряду и два десятка раненых. Самые тяжелые потери в бригаде во время столкновения. Наши никто не выжил. Принесли после боя несколько тяжело раненых, но они все умерли. Подробности известны, потому что до атаки несколько десятков человек, не способных бежать оставили

в окопах. А руководил ими лейтенант Хэммонд Аппер. Запомните это имя! Он выполнил свой долг до конца и достоин высшей награды!

– Ха! – возбуждено воскликнул капитан, – я предпочитаю сохранять своих подчиненных живыми, без особого героизма. Мы то хоть вышли на позиции своевременно. И не стали долбиться лбом об очередные укрепления.

Вот за это большое тебе искреннее спасибо, подумал лейтенант. Все-таки встряхнулся и не полез слепо вперед. Конечно, положив пару сотен человек недолго и ордена заработать, но ты хвала Богу не из таких. Под началом Джилли, любителя хорошо «вмазать», позлословить и сбегать до ближайшего дерева, если на нем юбка, я готов служить и дальше. Потому что в критические моменты он быстро соображает и не теряется.

Вместо марша по ясно видимой дороге три часа карабкались на соседние высоты и лигисты тихо ушли. Иначе пришел бы им всем полный корочун. Отрезали мы их и отогнали. Причем без серьезных потерь. Сбитые ноги и парочка легкораненых не в счет. Это позже мы узнали, что наш проход прекрасно наблюдался из долины и не наварались исключительно благодаря Джилли. Я бы не сообразил.

А 112-й батальон потерял свыше четырехсот человек. Не ходят прямо по дорогам, когда имеешь дело с Народной Армией. В кругалья целее будешь. И конная разведка в авангарде 112-му не помогла. Их просто пропустили и весь взвод положили. Мы потом видели те места. Трупы сбросили в овражек, очистив карманы и собрав оружие. Сотни убитых.

После этого все возмущающиеся, когда капитан гнал в обход и несколько дозоров сразу на гребни высот, прежде чем двигаться дальше навсегда заткнулись. Такой любви солдат к офицеру мне еще видеть не приходилось. А все дело в том, что они прекрасно поняли – комбат спас их шкуры. Смерть стояла за углом и уже приготовилась, а он ее надул. Лучше лишний раз пройти по горам, чем грудью на свинец.

Самое паршивое случилось даже не со 112-м батальоном. Обходить и маневрировать тоже неплохо уметь. Карты и связь совсем не лишние. А то почти двести убитых под конец операции появились при сшибке двух отрядов, не подозревающих друг о друге. Восемь часов перестрелки с применением артиллерии, прежде чем разобрались и обнаружили собственных товарищей. Оба старших офицера под суд пошли. Даже если спустят дело с оправданием, пятно на всю жизнь. Не дай Бог. И не разобраться случайность это или лигисты в очередной раз специально устроили. Кто первый открыл огонь так и не обнаружили. Хотя возможно солдаты просто скромничают, не рвутся под трибунал.

– Нас обменяли на сидящих в тюрьме лидеров Лиги, – говорил между тем Гох. – Я имею в виду офицеров. Голова на голову. Офицеров раз сразу не пристрелили, выгодно использовать. А солдат, кроме тяжело раненых, оставленных нашей армии для отчетности: «мы победили и освободили столько-то человек», угнали куда то. В принципе к призывникам относятся неплохо и не притесняют. Но не отпускать же просто так.

– А к кому плохо?

– Специальная Полицейская Стража, – пожав плечами, ответил Гох. – Они ведут себя исключительно агрессивно, расстреливая и избивая членов Лиги. С ними тоже не церемонятся. Особенно если обнаруживают происхождение из местных. Я дважды видел. Поставили перед строем, зачитали список преступлений, уж не знаю все ли правда, но очень вероятно и залпом. Демонстративно. Показательно.

– Э... сколько мы скота конфисковали в долинах, а лейтенант? – обернулся Джилли к начальнику штаба.

– Щас, – листая записную книжку, пообещал тот, – ага! 1205 голов крупного рогатого скота, 1861 овца, 940 свиней. В смысле нам тоже лучше не попадаться?

– Патраны говорят: «Больше изгубити краву него у главу», – ответил майор Гох. – В смысле: лучше корову, чем голову. Просто чем больше это станет продолжаться, тем выше

накал ненависти. Пока на той стороне еще помнят – не так давно дрались вместе против врага. Придет срок и кровь смоем былые связи.

Интерлюдия

Вмешательство Интендантства в экономику Свободной зоны было вызвано в первую очередь необходимостью создать акцент в отраслях необходимых для военных действий. Многие предприятия перепрофилировали для производства боеприпасов и других необходимых вещей. Предприниматели занимающиеся ремонтными работами или расширением производства получали налоговые льготы.

Этот пункт был крайне важен для понимания будущих реформ. Уже тогда внедрялись начатки новой системы с прогрессивным налогообложением. При этом Интендантство стремилось сохранить заработную плату и цены на прежнем уровне. Во многом это удалось.

Именно для обеспечения заметно выросшего городского населения (беженцы) и военных были введены продовольственные карточки. Распределение таким образом обеспечивало адекватное питание, но военная диета была достаточно однообразной. Некоторые базовые продукты, такие как картофель поначалу не распределялись, а продавались свободно.

Мясо, масло, сахар, яйца и молоко с самого начала жестко лимитировали. Чай и кофе были доступны только в виде эрзацев. Достаточно понятно. В горах с колониальными товарами очень скоро стало плохо. Повышенные нормы выдачи продуктов были связаны с более тяжелой работой или особыми, вызванными состоянием здоровья потребностями. В целом недостатка в пище не имелось.

Территория Свободной зоны с самого начала имела два уровня подчинения. Военная власть выполняла функции правительства, почти не вмешиваясь в функции местного самоуправления. Зато очень серьезно руководство Национальной Лиги отнеслось к созданию новых медицинских пунктов, культурных мероприятий и молодежному воспитанию. Печаталось несколько газет, выходили всевозможные брошюры и справочники. Слушали и обсуждали передачи радио. Не только новости, но и культурные программы.

Лекции общества «Знание» проходили в самых дальних и малодоступных районах, как и посещения горных поселков специальными «летучими» медицинскими отрядами с целью профилактики и лечения заболеваний. Во многих местах местные жители впервые увидели заботу о себе на государственном уровне.

Собственно уже здесь мы можем отметить основные принципы и методы будущей власти. Государственные органы экономического развития, применяющие разнообразные стимулы для проведения запланированных мероприятий. Создание основ налоговой, культурной и социальной политики, получивших в дальнейшем развитие, но выросших в те годы. И естественно армия. Это принципы формирования, снабжения и вооружения.

Взяв рычаги управления в свои руки и сделав экономику страны регулируемой государством Шаманов серьезнейшим образом изменил ее характер. Мало кто в курсе о существовании в те времена, к примеру законов, согласно которым «хозяину дозволялось унижать приказчика мерами домашней строгости». Проще говоря, бить подчиненных не только не возбранялось, а прямо разрешалось.

Экономический курс Патры после провозглашения независимости и его последствия. Гвинед. Издательство Прогресс.

Глава 6. Уна Клейменова-Рудова. Из тюрьмы в министры. 2700 г

В коридоре не ко времени застучали сапоги и лязгнуло, открываясь «окошко». Знакомая усатая морда осмотрела камеру, будто надеясь обнаружить в ней множество дополнительного народа. Форточка захлопнулась и заскрежетал замок.

Уна поднялась в некотором недоумении, не дожидаясь стандартного окрика. Происходило нечто странное – нарушение обычного порядка. Подобные вещи всегда заканчивались нерадостными известиями. В прошлый раз ее перевели в одиночку. Кто четвертый месяц не сидел так, не представляет насколько приятно увидеть даже собственного недоброжелателя.

В дверь ввалилось сразу четверо. Один – прекрасно знакомый охранник. Трое остальных в общевойсковой форме. Капитан и трое рядовых.

– Собирайтесь, Клейменова, – объявил офицер. – Одеяло, матрац и прочее барахло не брать! Только личные вещи.

Куда переводят, она переспрашивать не стала. Все равно не ответят. Проверено неоднократно. В соседнюю камеру переводили и то изображали ужасную тайну. Да и, если честно, любые перемены ей по душе. Сколько можно сидеть без малейшего понятия о происходящем в одиночке. Даже на прогулку выводят отдельно. Ничего не поделаешь, заботятся. С ребенком в общую камеру запрещено, выпустить – это нарушение инструкции, да и не позволила бы она забирать маленького. Подумала и в очередной раз горько усмехнулась. Будто кто спросил бы ее мнения. Расстреливать без суда запросто, а здесь вдруг заинтересуются материнскими желаниями.

Почему нельзя хотя бы отцу вручить (не Лайсу, а ее папаше), она так и не выяснила, а задавать лишние вопросы остерегалась. Лишний раз о себе напомним – где-то в канцелярии откроют дело и заинтересуются. Засунули ее в тюремную больницу и намертво забыли. Наверняка к лучшему. И на допросы всего пару раз в самом начале таскали и жизнь здесь не особо тяжкая.

– Это как-ж, господин капитан? – в недоумении спросил военный. В руках он вертел полный набор наручников. Ручные и ножные. – У нее дите, да еще и вещи, как нести станет в цепях?

– Или ты вещи сам потащишь, – со смешком сказал охранник, – или заодно и бабу понесешь.

– На руки не крепить, – вынес вердикт офицер, – с ножными не побежит. – А ребенка и сумку сама. Еще не хватает носить за подследственной.

Уне очень хотелось поинтересоваться, с каких пор она стала подследственной, а не административно задержанной по указу военного командования, но это не имело смысла. Ругаться без особых причин ей не хотелось. А, кроме того, натурально наденут цепь и будешь мучиться, будто дура. Спасибо надо говорить доброму человеку, а не устраивать скандалы. Мальчишка у нее здоровенький с хорошим аппетитом, нормальным стулом и не крикун. Тем не менее, доверять неизвестно кому нести совсем не хочется.

В запряженной двойкой лошадей закрытой полицейской карете она обнаружила Гору Виноградову, с которой вместе налаживали общество «Юных разведчиков» и Киву Сорокину, загремевшую в тюрьму из-за родственных связей. Угораздило ее иметь в родных братьях пропагандиста Зудова. За женское равноправие выступала, но в Лиге никогда не состояла. Зато муж у нее выбран мэром Фармина и после «Дна» ушел с лигистами в горы.

Что-то там ей тоже при аресте предъявляли, вроде собирания помощи нуждающимся и совместные мероприятия, но сама Кива искренне обиделась за арест. За равенство полов она

боролась и не скрывала этого. Независимость ей не требовалась. Раньше. Теперь у нее вырос не зуб, а огромный бивень, как у мамонтов на севере на королевство и его несправедливость. А женщин ее уровня раздражать не рекомендуется. Они злопамятные и имеют неплохие связи.

– Куда нас все-таки везут? – пытаюсь хоть что-то рассмотреть в зарешеченное окошко под потолком, пробурчала Гора. Все обнаруженное сводилось к верхушкам деревьев и куску сумрачного неба. С утра опять зарядил мелкий противный дождик.

Желательно не в Оллил, подумала Уна, не делаясь своими опасениями с остальными. Бывшие казармы шестнадцатого пехотного полка под Синендом передали в распоряжение Специальной Полицейской Стражи. Слухи о происходящем там ходили жуткие. Достоверно было известно о пытках и бессудных расстрелах. Переводили туда либо особо опасных членов сопротивления, либо схваченных на горячем уже после начала мятежа и по каким-то причинам не приконченных на месте. В любом случае ничего хорошего их не ждало.

Когда карета остановилась и под команды и крики: «Быстрее» и «Двигайтесь» она обнаружила серый³ железнодорожный вагон, даже почувствовала облегчение. В Оллил наверняка бы отправили морем. После нападения на поезд в тридцати лигах от города и освобождения людьми из «Движения воли» почти пол сотни схваченных, железную дорогу для перевозки заключенных использовали редко. Только к армейским эшелонам иногда цепляли зарешеченный вагон. Сейчас ничего такого не наблюдалось. Обычный пассажирский и два дополнительных. Один, без сомнений, для охранников. У него двери нормальные.

– Наши продолжают прибывать. Четырнадцать! – радостно закричали при их виде, уже сидевшие внутри.

Практически всех она знала. С кем-то успела посидеть вместе в Крепости, пока не перевели в больницу, с кем-то работала. Все имели отношение к Лиге так или иначе.

– С ребенком пятнадцать, – возразила смутно знакомая девица, помогая устроиться Уне на нарах.

– Тогда почему двух Садовских не считаем? – азартно воскликнула Хонка Морева.

Вопреки своей фамилии она постоянно утверждала, что в жизни не ступала на палубу корабля. Лодки с веслами на реке не в счет. Все кто ездил на восток от Утнока непременно видели огромную гору сланца, расположенную у берегов озера. С незапамятных времен люди откалывали от нее куски и глыбы, а она внешне будто и не уменьшается.

Местный сланец по глубокому убеждению жителей острова самый лучший в мире. Из него делают покрытие крыш. Все в курсе – черепица из сланца переживет здание. Это единственный камень, раскалывающийся по длине на гладкие слои, не нарушая твердости блока.

Ко всему еще на горе чередуются пласты разного цвета. Серые, синий, зеленый, красный разных оттенков позволяет разнообразить внешний вид строений. А обработка сланца давнее наследственное занятие местных жителей. Ведь только на первый беглый взгляд представляется, что это так просто. Попробуй расколоть каменную глыбу на ровные пластины и убедишься в собственной несостоятельности. Работать со сланцем приходится долго учиться.

Пару лет назад Уна бы с недоумением пожала плечами, предположи кто, что она будет считать хозяйку этой каменной горы своей подругой. Что общего у учительницы с гор и единственной наследницы серьезнейшего состояния. При любом катаклизме семейство Моревых только выиграет. Черепица всегда нужна, особенно при новом строительстве. Да и обычная

³ Пассажирские вагоны различаются по цвету. 1 класс – синий, потом коричневый и зеленый. 4 – серый. Очень наглядно и цвет билетов соответствует. В 3 и 4 классе номеров мест вообще нет. Просто идешь в соответствующего цвета вагон. А 1 и 2 классный всегда в небольшом количестве. Невыгодно. Люди предпочитали ездить 3 и даже 4 классом. В результате покраски никакой путаницы с посадкой и для безграмотных.

напольная плитка или для дорожек в солидных домах уже не первый век используется. Без заработка не останутся.

Хонка сама пришла в Лигу, услышав о попытках наладить занятия в школах на периферии и в горах. Дело в том, что компания производила и сланцевые карандаши. Она предложила поставлять их по себестоимости, в любом количестве, при условии раздачи их школьникам. Даже готова была поставить часть бесплатно, но под твердые гарантии.

Это ведь кажется, сантимы. Когда речь идет о десятках тысяч штук, влетает в серьезные деньги. Она и потом всегда подозрительно изучала столы и карманы своих соратников на предмет не прихватили ли они совершенно «случайно» предназначенное детям.

Уна всегда охотно брала достающееся в виде подарков и готова была произносить множество благодарственных слов, забывая об очередном благодетеле, стоило ему выйти за дверь. Хонка не ушла. Она покрутилась, суя свой страшно любопытный нос в самые разные места и посещая собрания. Умудрялась даже пролезть куда совсем не звали. Выгнать ее было слишком сложно, проще не замечать. Тем более никаких особых тайн в Униной работе не имелось.

Внимательно изучила всю механику происходящего и сделала неожиданный вывод. Требуется контролировать расход средств. После чего в Женском Корпусе занялась финансами, сняв с шеи начальницы тяжелейший жернов. Уж тырить мелочь Хонка точно не собиралась. Согласно наведенным Лайсом справкам отец пару миллионов в приданное приготавливал и страшно страдал от нежелания дочери выходить замуж и рожать внуков. Девке двадцать первый год (на тот момент) пошел, а она ударилась в общественную деятельность.

Правда в глубине души он своей наследницей гордился и попробовал бы кто ему что сказать неприятное! Весомый авторитет в Национальной Лиге (патриот, естественно) она заработала самостоятельно и не деньгами. Наверное знал бы, что двадцать третий день рождения Хонка встретит в тюрьме, связал бы и увез домой.

– Нам бы пайки правильно считали, – угрюмо сказала мадам Гейдра Акатова.

Вот ее Уна недолюбливала и особой радости от встречи не испытала. Медичка слишком много о себе понимала, будучи старше и давно известной на Патре. Делала одолжение, помогая иногда. Да и ее образ жизни всерьез раздражал. Вечный эпатаж. С чего ее сунули в общую компанию неизвестно. Напрямую она в Лиге никогда не состояла и держалась всегда особняком.

Садова что-то пробурчала невнятно очень похожее на ругань и отвернулась. Чего окрысилась непонятно. Уж ее точно Уна не задевала и встречала всего пару раз.

– Нейда на мужа злая, ужась, – тихонько поведала Хонка, присев рядом.

– Он-то в чем виноват? – удивилась Уна.

– На самом деле нет, – согласилась та, – в газетах не напишут. А фактически погиб по дурости. Не героически отстреливался от врагов, а влип по недомыслию. Принес домой какие-то бумаги. Тысячу раз предупреждали его не держать дома всякое секретное барахло. Вот пока Садов отстреливался, а Нейда их жгла в печке. Так что дурь натуральная. Она потому жива осталась, что в угол потом забилась и он ее столом прикрыл. Кинули гранату в окно. А мог бы и сдаться. Не захотел. Правда, – добавила, подумав, – троих все-таки завалил. Насмерть. И бумаги не достались. Все одно подвиг получается.

Под окнами раздалась смачная ругань. Несколько мужских голосов посылали друг друга в самые разнообразные места. Потом дверь откатили и обнаружился стоящий под морозящим дождем уже знакомый капитан. Вид у него был не радостный.

– Госпожа Виррих – на выход, крикнул внутрь.

Женщина поднялась и оглянулась на остальных.

– Иди, – сказала Уна. – Может, передумали и отпустят. Сама понимала, насколько глупо звучит.

Тоже пострадала неизвестно за что. Брать сразу мастистого архитектора для проектирования Академии, предложенного адвокатом, Уна отказалась. И денег жалко, и хотелось чего-то оригинального. Поэтому и объявила конкурс. И проект мадам Виррих оказался лучшим. Не потому что женщина. Они всей компанией обсуждали. И адвокаты, и Шаманов.

Участок для строительства находился вне города в окружении поросших лесом холмов. Проект очень удачно включал в себя участки естественной природы. Здания группировались вокруг лужаек. Красиво задумано. Кроме учебы необходимо и отдыхать. Ей лично всегда не хватало возможности в перерывах между занятиями просто посидеть на травке.

Институтский городок, состоял из учебных, жилых и хозяйственных зданий, образующих внутренние дворы и проезды. Парки, общежития, магазины, больница и отдельная библиотека. Архитекторша сама многое придумала без подсказки. Многие здания на вырост и про деревья остальные как-то не задумались. Очень любопытный контраст строгих прямоугольных объемов и растянутыми в длину многочисленными галереями. Еще были предусмотрены живописные и скульптурные изображения на стенах, придающие уникальный колорит всему комплексу. Правда до них дело так и не дошло.

Естественно на строительстве трудилась масса людей из Национальной Лиги. А кого брать на работу? Не чужих же. Из Шиола желающих подработать, выкапывая котлованы и замешивая раствор, как-то не прислали. Вот это потом Виррих и поставили в вину, даже забыв о ее отнюдь не патранском происхождении.

Крайне глупо. На подобном основании можно посадить любого жителя острова. У всех либо в семье, либо на службе обнаружатся знакомые, сочувствующие Лиге. Армейское командование, будто специально восстанавливало против себя все без исключения слои общества на острове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.